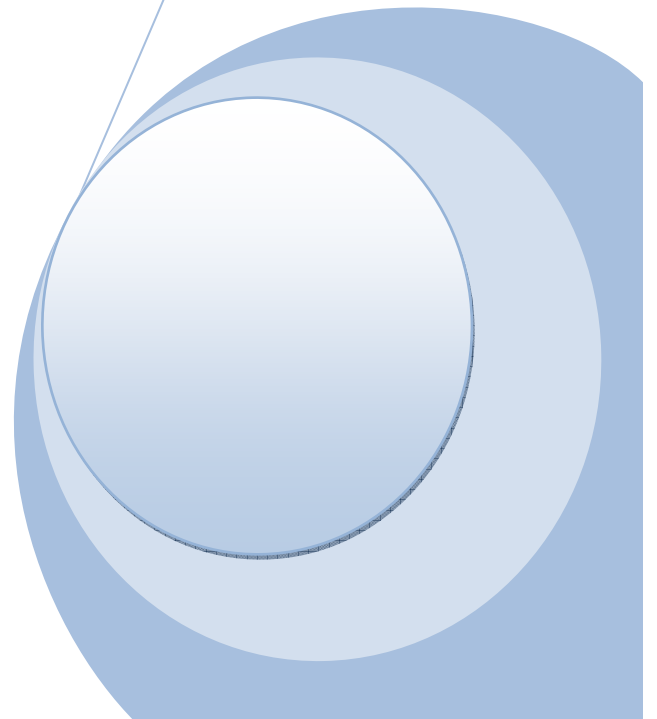
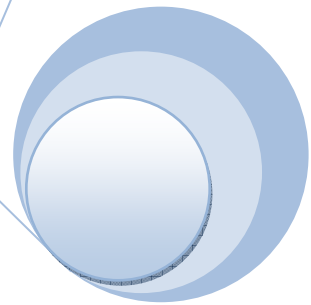
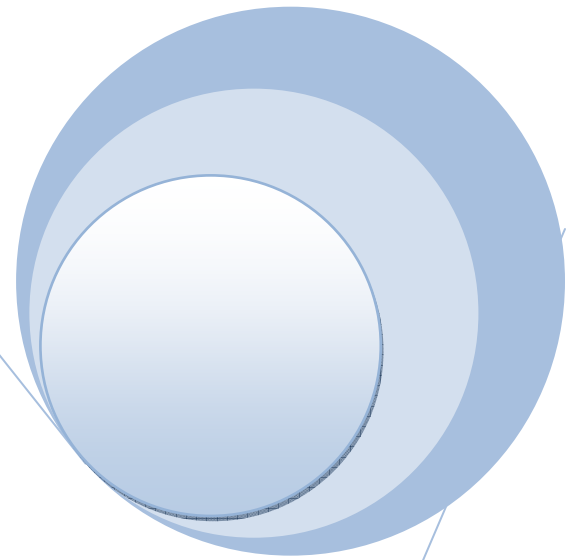

В.Ю. ВОЙТОВИЧ

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУЩНОСТИ
КОНСТИТУЦИИ**

Ижевск

2012

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ «Удмуртский государственный университет»
Институт экономики и управления
Кафедра государственного и муниципального управления

В.Ю. Войтович

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУЩНОСТИ
КОНСТИТУЦИИ**

Учебное пособие

Ижевск 2012

УДК 342.4(470.51)
ББК 67.400.11(2 Рос.Удм.)
К 65

Рекомендовано к изданию Научно-редакционным советом Удмуртского научного центра УрО РАН в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление», профиль «Региональное и муниципальное управление», квалификация (степень) выпускника «Магистр», слушателей системы повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, преподавателей.

К65 Войтович В.Ю. Теоретические основы сущности конституции: учебное пособие. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», изд-во Института экономики и управления УдГУ, 2012. - .

В учебном пособии рассматриваются взгляды ученых на понятие, сущность и предназначение конституции.

Для студентов направления подготовки 981100 «государственное и муниципальное управление», квалификации (степени) выпускника «Магистр», слушателей системы повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, преподавателей и аспирантов

© В.Ю. Войтович, 2012

© ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный
Университет», ИЭиУ ФГБОУ ВПО «УдГУ», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
1. Лассаль Ф. О сущности Конституции.....	6
2. Спекторский Е.В. Что такое Конституция?.....	26
3. Новгородцев П.И. Демократия на распутье.....	33
4. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву.....	36
5. Краснов М.А. Советский тип власти: Пятый сон Веры Павловны.....	46
6. Чиркин В.Е. Может ли избиратель влиять на качество депутатского корпуса?.....	58

Введение

Исследование первоисточников в которых отражены взгляды ученых на понятие, сущность и предназначение Конституции, является в современных конституционных правоотношениях одним из важнейших гуманистических направлений изучения феномена народовластия, формирования гражданского общества. Научный поиск в этом направлении связан с нахождением ответов на глобальные вопросы. Как эффективней разделить власть между социумом, чтобы она в итоге позволяла Российскому государству осуществлять управление в интересах человека, соблюдения его прав и свобод как высшей ценности? Как реализовать идеи демократического, правового государства в реальную действительность? Какими должны быть основополагающие идеи и принципы государственного устройства, обеспечивающие обустройство гармоничного общества? Каковы пределы децентрализации государственной власти, не разрушающие само государство, и каковы пределы его централизации, сохраняющие устойчивость власти, единение ее с народом?

Все это, во-первых, имеет научно-теоретическое значение для всестороннего анализа и комплексной разработки проблем развития национально-государственных отношений в России. Во-вторых, такое исследование важно для изучения процессов федеративных отношений. В-третьих, анализ конституционно-правовых норм в сочетании с принципами объективности и критическим подходом к закрепленным конституциями схемам и догмам дает возможность определить внутреннюю структуру исследования, воссоздать истинный ход развития основных институтов, связанных с устройством общества и государства. Сделать соответствующие выводы и разработать предложения, которые в какой-то мере могут быть полезными в дальнейшем совершенствовании национально-правовых отношений.

Ф. ЛАССАЛЬ (1825-1864)

О сущности конституции

(Речь, произнесенная в одном берлинском бюргерском окружном собрании, в 1862 г.)

Господа!

Я, получив приглашение произнести речь в этом уважаемом собрании, избрал предмет, рекомендуя себя сам вашему вниманию, как самый современный. Я буду говорить о сущности конституции.

Замечу заранее, господа, что речь моя будет строго научна. Тем не менее или, вернее, именно поэтому каждый из вас будет в состоянии следить за ней от начала до конца и вполне понять ее.

Ибо, господа, истинная научность — полезно напоминать это — состоит ни в чем ином, как в той ясности мысли, которая, ничего не предполагая заранее, шаг за шагом выводит все сама из себя, но именно поэтому-то, непреодолимо овладевает умом каждого внимательного слушателя.

Эта ясность мысли не нуждается ни в каких предвзятых убеждениях в слушателях. Наоборот, состоя, как я сказал, не в чем ином, как именно в отсутствии всего предположенного заранее, предвзятого, и выведении всего из самой себя, она не терпит предвзятых убеждений. Она именно требует, чтобы слушатели не приносили с собой предвзятых мнений, прочных предубеждений; чтобы они, как бы часто ни размышляли и ни рассуждали о предмете, исследовала его теперь снова, как бы еще не зная о нем ничего твердо определенного, чтобы они хотя бы на время исследования отделились от всего, что привыкли думать об этом предмете.

Итак, я начну свою речь вопросом: что такое конституция? в чем состоит сущность конституции?

Теперь все с раннего утра до позднего вечера толкуют о конституции. Во всех газетах, во всех обществах, во всех трактирах только и речи, что о конституции.

Однако, если я спрошу серьезно: в чем состоит сущность, понятие конституции, — то весьма опасаясь, что из стольких рассуждающих найдется очень немного способных дать удовлетворительный ответ.

Многие при этом вопрос почувствуют необходимость схватиться за том Собрания прусских законов 1850 г. и прочесть в нем о прусской конституции.

Но вы видите, что это не будет ответом на мой вопрос. Ведь в том этот помещено только особенное содержание известной, именно прусской конституции, и, стало быть, он не может дать ответа на вопрос: в чем состоит сущность, понятие конституции вообще?

Если я задам этот вопрос юристу, он скажет мне в ответ: «Конституция есть договор клятвенно заключенный между королем и народом и

устанавливающий основные принципы законодательства и правления страны». Или, так как есть и республиканская конституция, он даст более общее определение: «Конституция есть организация или провозглашенный в стране основной закон, устанавливающий публичные права этой нации».

Но все эти и тому подобные формальные юридические определения так же далеко от настоящего ответа на мой вопрос, как и предыдущий ответ. Все они представляют лишь внешнее описание того, как делается конституция и что она делает, не объясняя, что такое конституция. Они дают критерии, признаки, по которым можно внешним и юридическим образом узнать конституцию. Но они не говорят нам, в чем состоит понятие, сущность конституции. Поэтому они оставляют нас в совершенном неведении насчет того, хороша или дурна, возможна или невозможна, прочна или не прочна данная конституция. Обо всем этом мы могли бы судить только зная сущность конституции вообще, тогда только могли бы мы решить, соответствует ли данная конституция этой сущности или как она к ней относится. Но этой сущности нам совершенно не объясняют подробно юридически внешние определения, которые одинаково применимы ко всякому листу бумаги, подписанному нацией, или нацией и ее королем, и объявленному конституцией, каково бы ни было его содержание. Только понятие конституции служит источником всего конституционного искусства и всей конституционной мудрости, которые вытекают из него шутя, сами собою, как вы убедитесь, когда мы найдем это понятие.

Итак, повторяю: что такое конституция, в чем состоит сущность, понятие конституции?

Мы еще не знаем этого, потому что должны найти ответ, отыскивая его сообща. Чтобы найти его, прибегнем к методу, к которому всегда следует обращаться, когда желаешь получить ясное понятие о каком-нибудь предмете. Этот метод очень прост, господа. Он состоит в том, что мы сравниваем вещь, понятие которой ищем, с другой однородной ей, и стараемся как можно яснее и резче понять разницу, существующую между ними, несмотря на их однородность.

Обращаясь к этому методу, я ставлю вопрос: какая разница между конституцией и законом?

Конституция и закон по сущности, очевидно, однородны. Конституция должна иметь силу закона; стало быть, она должна быть также законом. Но она должна быть не только законом, а более чем законом, следовательно, тут, есть и разница. Сотни фактов доказывают, что разница точно существует, что конституция должна быть не просто законом, а более, чем законом.

Так, напр., вы не находите ничего дурного в том, что издаются новые законы. Напротив того, вы знаете, что необходимо, чтобы почти каждый

год издавалось больше или меньше новых законов. А, между тем, нельзя издать ни одного нового закона, не изменяя этим существующих законных отношений. Новый закон, не приносящий никакой перемены в существующем законном порядке, был бы совершенно бессмыслен, излишен и не был бы издан. Итак, вы не находите ничего дурного в изменении законов, а напротив, считаете его вообще правильной задачей правительственных учреждений. Но как только коснутся конституции, вы возмущаетесь и кричите: не трогайте конституцию! Отчего такая разница? Разница эта до того неоспорима, что в некоторых конституциях прямо законополагается: конституция не может быть изменяема; в других полагается, что изменять ее можно только 2/3 голосов законодательного собрания, а не простым большинством; в третьих установлено, что законодательное собрание даже в соединении с прочими правительственными властями не может делать изменений в конституции, а может только предлагать их, для произведения же их должно быть избрано страной специально новое собрание представителей.

Все эти факты говорят о том, что по общему сознанию народов конституция должна быть чем-то еще более святым, крепким и неизменным, чем обыкновенный закон.

Спрашиваю, стало быть, опять: чем отличается конституция от обыкновенного закона?

На этот вопрос обыкновенно отвечают: конституция не просто закон, как всякий другой, а основной закон страны. Очень возможно, господа, что в этом ответ скрывается в неясной форм истина. Но форма так неясна, что в ней ответ этот ни к чему не служит. Тотчас возникает другой вопрос: какая разница между законом и основным законом? Стало быть, мы ни на шаг не ушли дальше. У нас оказалось только новое название «основной закон»; но оно нисколько не помогает нам, пока мы не знаем, какая разница между основным законом и другим законом.

Попробуем, не приблизимся ли мы к делу, если разберем, какие представления заключаются в названии «основной закон»; другими словами: чем основной закон должен отличаться от другого закона, чтобы оправдать свое название «основного закона».

Основной закон должен, следовательно:

1) быть законом, более глубоким, чем всякий другой обыкновенный закон;

2) это показывает название основной, но он должен также, как основной закон, быть именно основанием других законов, т.е., стало быть, основной закон должен быть творческим началом других обыкновенных, законов, чтобы составлять их основание; следовательно, основной закон должен действовать и во всех других обыкновенных законах;

3) но то, что имеет основание, не может уже по произволу быть тем или иным: оно должно быть именно таково, каково оно есть. Основание его не допускает его быть иным. Только необоснованное и потому случайное может быть таковым, каким есть, а также, пожалуй, и иным. Но все имеющее основание необходимо есть таково, каково оно есть. Напр., планеты имеют известное движение. Движение это или имеет определяющее его основание, или не имеет его. Если не имеет, то оно случайно и может каждый момент быть иным. Но если оно имеет основание, а именно, как говорят натуралисты, силу притяжения солнца, то этим дано уже, что движение планет определено и регулировано основанием, притягательной силой солнца, так, что не может быть иным, чем есть. Следовательно, в представлении основания заключается мысль деятельной необходимости, действующей силы, которая необходимо делает основанное тем, чем оно есть.

Итак, если конституция составляет основной закон страны, то она есть нечто, что мы должны определить подробнее, или, как мы пока нашли, есть деятельная сила, необходимо делающая все другие законы и правовые учреждения, устанавливаемые в стране, тем, чем они суть – это для нас первый проблеск света, господа, – так что с этих пор в стране не могут издаваться никакие законы, кроме именно этих.

Но есть ли в стране что-нибудь, господа, – при этом вопросе начинает постепенно разливаться полный свет – есть ли в стране что-нибудь, какая-нибудь определяющая деятельная сила, которая влияла бы на все издаваемые в стране законы так, чтобы они до известной степени были необходимо таковы и не иные, какова суть?

О, конечно, господа, нечто такое есть, и это нечто не что иное, как фактические отношения силы, существующие в данном обществе.

Фактические отношения силы, существующие в каждом обществе, суть та активно-действующая сила, которая определяет все законы и правовые учреждения этого общества так, что в существенных чертах они не могут быть иными, чем какова суть.

Спешу пояснить это понятным примером. В той форме, в какой я представляю его, он, правда, совершенно невозможен. Но не говоря уже о том, что ниже мы, может быть, увидим, как возможен этот пример в другой форме, дело вообще не в том, может ли случиться что-нибудь подобное, а только в том, чтобы на этом примере изучить природу вещей, которая обнаружилась бы, если бы он случился.

Вам известно, господа, что в Пруссии только то имеет законную силу, что обнародовано в собрании законов. Собрание законов печатается в главной правительственной типографии Декера. Оригиналы законов сохраняются в известных государственных архивах; печатные собрания законов – в других архивах, библиотеках и магазинах.

Предположим же, что сделался страшный пожар, в роде гамбургского, и что в нем сгорели все эти государственные архивы, библиотеки, магазины и главная правительственная типография Декера; предположим, что по странному стечению обстоятельств тоже случилось и в других городах монархии, что погорели даже частные библиотеки, в которых были собрания законов, так что во всей Пруссии не осталось ни единого закона в достоверной форме.

Таким образом, страна лишилась бы всех своих законов, и ей ничего не оставалось бы, как приняться за составление новых.

Ну, как же вы думаете, господа? Можно ли было бы поступать в этом случае произвольно, создать произвольно новые законы, и такие, какие вздумалось бы? Посмотрим.

Положим, вы сказали бы: законы погибли, будем создавать новые и при этом уже не дадим монархии того положения, которое она до сих пор занимала или даже вовсе не дадим ей никакого положения.

Король просто-напросто сказал бы на это: законы погибли, но что же из этого? Фактически мне повинуется армия, идет, куда я прикажу ей; фактически коменданты арсеналов и казарм выдадут по моему приказу пушки, и артиллерия выедет с ними на улицы, и, опираясь на эту фактическую силу, я не хочу, чтобы вы делали мне иное положение, кроме того, какого я желаю.

Вы видите, господа, – король, которому повинуются войска и пушки, есть часть конституции!

Или, положим, вы сказали бы: нас 18 миллионов пруссаков. В числе этих 18 миллионов есть незаметная горсточка крупных дворян-землевладельцев. Мы не понимаем, почему такой ничтожной горсточке крупных землевладельцев обладать таким же влиянием, как всем 18 миллионам вместе, составляя палату господ, обсуждающую постановления палаты депутатов, избранной всею нациею, и отвергающую их, как скоро они чего-нибудь стоят. Положим, вы рассуждали бы так и сказали бы: мы все – «господа» и не хотим особой палаты господ.

Не подлежит, разумеется, сомнению, господа, что крупные дворяне-землевладельцы не могли бы вывести против вас своих крестьян. Напротив того, им, вероятно, было бы не мало хлопот прежде всего для того, чтобы удрать от своих крестьян.

Но крупные дворяне-землевладельцы всегда имели большое влияние на двор и на короля и, благодаря этому влиянию, могли бы выслать за себя войска и пушки с таким же удобством, как если сила эта находилась в их непосредственном распоряжении.

Итак, вы видите, господа, что дворянство, имеющее влияние на короля и на двор, есть часть конституции.

Или предположим обратный случай, что король и дворянство согласились бы восстановить средневековый цеховой строй, при том не только в мелких ремеслах, как несколько лет тому назад отчасти действительно пытались восстановить, а в таких же размерах, в каких оно существовало в средние века, т.е. во всем общественном производстве, стало быть, и в крупной фабричной промышленности, и в машинном производстве. Вам известно, господа, что при средневековой цеховой системе крупный капитал не мог производить, крупная фабричная промышленность, машинное производство были невозможны. Ибо при этой системе существовали, например, всюду установленные законом разграничения отраслей труда, хотя бы даже самых ближайших и сродных друг другу и ни один промышленник не мог соединять две такие отрасли. Штукатурщик не мог замазать щели, кузнецы вели бесконечные процессы со слесарями о границах своих ремесел, набойщик не мог взять в работу красильщика. Кроме того в цеховой системе было точно определено законом и количество производства каждого промышленника, и в каждом городе, в каждом промысле каждый мастер мог занимать лишь равное, законом определенное число рабочих сил.

Вы видите, что уже по этим двум причинам крупное производство, производство машинами, системою машин, не могло бы дня просуществовать при цеховом строе. Для крупного производства безусловно необходимы: 1) соединение разнообразнейших отраслей труда в руках одного крупного капитала; 2). массовое производство и свободная конкуренция, т. е. стало быть неограниченное употребление рабочих сил.

Что вышло бы, если бы, тем не менее, захотели ввести ныне цеховой строй?

Гг. Борзигъ, Эгельс и т.д., крупные хлопчатобумажные, шелковые и пр. фабриканты закрыли бы свои фабрики и распустили бы своих рабочих. Даже дирекция железных дорог пришлось бы сделать тоже. Торговля и промышленность остановились бы. Множество ремесленных мастеров отчасти по необходимости, отчасти добровольно распустили бы своих подмастерьев. Вся эта громадная масса народа хлынула бы в улицы, требуя хлеба и работы. За ней стояла бы воспламеняя ее своим влиянием, ободряя своим значением, поддерживая своими деньгами, крупная буржуазия, и вспыхнула бы борьба, в которой победа не могла бы остаться за армией.

Итак, господа, вы видите, что Борзиг и Эгельс, вообще, крупные промышленники суть часть конституции.

Или положим, что правительство захотело бы принять меру, решительно оскорбляющую интерес крупных банкиров. Предположим, что правительство сказало бы например: королевский банк не должен служить, как служит теперь, крупным банкирам и капиталистам, которые и без того располагают всеми деньгами и всем кредитом и которые теперь одни

могут дисконтировать в банке свои векселя, т. е. одни получают кредит; королевский банк не должен еще удешевят им кредит, а должен служить на то, чтобы сделать кредит доступным бедным и среднего достатка людям; поэтому надо организовать его так, чтобы он отвечал этой задаче. Состоялось ли бы это, господа?

Правда, господа, это не вызвало бы восстания. Однако, для нынешнего правительства это все-таки было бы невозможно.

Правительству, господа, случается по временам надобность в таких денежных средствах, в таких массах денежных средств, каких оно не осмеливается собрать в форме налогов. В этих случаях оно прибегает к поеданию будущих средств, т. е. делает займы и выдает за них государственные бумаги. Для этого ему нужны банкиры. Правда, с течением времени большая часть государственных бумаг опять переходит в руки всего имущего класса нации и мелких капиталистов. Но на это надо время, часто много времени. Правительству же деньги нужны сейчас и разом или в немногие сроки. Для этого ему нужны посредники, которые дали бы ему всю нужную сумму и взяли бы сбыть государственные бумаги, выдаваемые им за это, мало-помалу публике, при том с барышом для себя на повышении курса, которое искусственно доставляется этим бумагам на бирже. Этими посредниками служат крупные банкиры, и потому правительство не может теперь ссориться с ними.

Итак, вы видите, господа, что банкиры Мендельсон, Шиклер, вообще биржа – часть конституции.

Или, положим, правительство вздумало бы, например, издать уголовный закон вроде китайских, чтобы за воровство совершенное сыном наказывать отца. Затея эта не могла бы осуществиться, потому что против нее слишком сильно возмутилось бы общее развитие, общее сознание. Все чиновники даже тайные советники, всплеснули бы руками, и сами члены палаты господ нашли бы это предосудительным. Следовательно, вы видите, господа, что в известных пределах и общее сознание, общее развитие есть также часть конституции.

Или, положим, правительство решилось бы удовлетворить дворянство банкиров, крупных промышленников и крупных капиталистов, но зато лишить политической свободы мелкую буржуазию и работников. Удалось ли это, господа? О, конечно, господа, на время это удалось бы; мы уже видели, что это удастся, и ниже будем мы еще иметь случай взглянуть на это.

Но предположим такой случай: вздумали лишить мелкую буржуазию и работников не только политической, но и личной свободы, т.е. вздумали объявить их лично несвободными, крепостными или подданными землевладельцев, как было во многих странах в отдаленные столетия средних веков. Удалось ли бы это господа? Нет, это не удалось бы, хотя бы

все соединились для этой цели – и король, и дворянство, и вся крупная буржуазия. В случае этого вы заявили бы; нет, пусть лучше нас убьют, а этого мы не потерпим. Работники выйдут на улицы и без закрытия Борзигом и Эгельсом фабрик, вся мелкая буржуазия пойдет им на помощь, и так как соединенное сопротивление их победить было бы очень трудно, то, вы видите господа, что в самых крайних случаях и вы все – часть конституции.

Итак, господа, мы знаем теперь, что такое конституция страны, а именно: существующие в стране фактические отношения силы.

Что же такое то, что обыкновенно называется конституцией? Что такое правовая конституция? Теперь вы сами видите, господа, что это такое.

Эти фактические отношения силы записываются на бумаге, выражаются письменно и как скоро только они записаны, они уже не просто фактические отношения силы, а права, правовые учреждения, и кто восстает против них – наказывается!

Точно также теперь вам, само собою, понятно, господа, как делается это записывание фактических отношений силы, превращающее их в правовые отношения.

Разумеется, не пишут: г. Борзигъ часть конституции, г. Мендельсон часть конституции и т.д., а выражают все это более просвещеннейшим образом.

Напр., если хотят установить, что небольшое число крупных промышленников и крупных капиталистов должно иметь в монархии столько же и более власти, сколько все бюргеры, работники крестьяне взятые вместе, то этого отнюдь не напишут прямо и открыто. Для этой цели издадут закон, подобный, например, жалованному трехклассному избирательному закону 1849 г., которым разделят всю страну на три класса избирателей по размеру платимых ими налогов, который определяется, конечно, величиной их имущества.

По официальным спискам, господа, составленным правительством в 1849 г., после издания этого трехклассного избирательного налога, во всей Пруссии было тогда: 3.225.600 общинных избирателей, которые разделялись на три класса следующим образом:

К первому избирательному классу во всей Пруссии принадлежало 153.808 избирателей; ко второму – 409.945; к третьему – 2.691.950.

Повторяю, господа, что цифры эти заимствованы из официальных списков.

Вы видите из них, что 153.808 очень богатых людей имеют в Пруссии столько же политической власти, сколько 2.691.950 бюргеров, крестьян и работников; далее, что эти 153.808 очень богатых людей и 409.945 умеренно-богатых, составляющих второй класс избирателей имеют ровно вдвое политической власти, чем вся остальная нация, так что 153.808 очень

богатых и половина 409.945 избирателей второго класса имеют уже больше политической власти, чем другая половина умеренно-богатых второго класса и 2.691.950 третьего, взятые вместе.

Из этого вы видите, господа, что таким способом в результате получается совершенно то же, как если бы прямо написать в конституции неделикатные слова: богатый должен иметь в 17 раз больше политической власти, чем другой гражданин, или столько же, сколько 17 других граждан.

До издания этого трехклассного избирательного закона у нас уже существовало законно-учрежденное, законом 8 апреля 1848 г., всеобщее избирательное право, признававшее за каждым гражданином, все равно, богат ли он или беден, одинаковое избирательное право и одинаковую политическую власть, одинаковое право на участие в определении воли и цели государства. В этом вы видите, господа, подтверждение сказанного мною выше, что, к сожалению, легко отнять у вас, бюргеров и работников, вашу политическую свободу, если только не посягать непосредственно и радикально на ваши личные блага, на ваши тела и собственность. Вы допустили без труда отнять у вас избирательное право, и до сих пор не слышать ни о какой агитации для возвращения его.

Далее, если хотят установить в конституции, чтобы небольшое число дворян землевладельцев обладало такою же властью, какую имеют все богатые, зажиточные и неимущие вместе, какую имеют избиратели всех трех классов вместе, т.е. какую имеет вся нация, то этого опять-таки отнюдь не выразят непросвещенным образом прямо, – ибо, заметьте, господа, раз навсегда: все ясное и прямое – грубо и непросвещенно. В конституции напишут: из представителей древнего и упрощенного землевладения с некоторыми имущественными дополнениями учреждается палата господ, согласие которой необходимо для действительности всех постановлений палаты депутатов, представляющих всю нацию; таким образом, горсточке старинных землевладельцев дается политическая власть, перевешивающая единогласную волю нации и всех ее классов.

Равным образом, когда хотят, чтобы король один имел столько же и даже гораздо больше политической власти, чем все три класса избирателей, чем вся нация, даже с прибавлением дворян землевладельцев, то делается это так.

В 47 статье конституции пишется: «Король назначает на все должности в армии», а в статье 108 говорится: «Армия конституции не присягает», Рядом с этой статьей воздвигается теория в принципе действительно основываемая ею именно, теория, что в отношении армии король занимает совершенно иное положение, чем в отношении всех прочих государственных учреждений, что в отношении армии он не только король, а что еще другое, совершенно особенное, таинственное и

неизвестное, для обозначения чего изобретают слово «военный государь» – *Kriegsherr*; по этим соображениям оказывается, что палате депутатов или нации дела нет до армии, что им не следует вмешиваться в её дела и организацию, и только выдавать на нее деньги. И надо сознаться, – правда, выше всего, – что теория эта точно имеет некоторое основание в статье 108 конституции. Определяя, что армия не должна присягать конституции, как обязаны все государственные служители и сам король, конституция признает этим в принципе, что армия стоит вне конституции и ничего не имеет с ней общего, что она относится единственно и исключительно к особе короля, а не к стране.

Как скоро установлено, что король назначает на все должности в армии и что армия занимает по отношению к нему особенное положение, то уже этим одним королю дано не только столько же, а вдесятеро больше политической власти, чем сколько имеет ее вся страна вместе взятая, даже в том случае, если бы в действительности настоящая сила страны вдесятеро, в двадцать, в пятьдесят раз превышала силу армии. Причина этого кажущегося противоречия очень проста.

Орудие политической власти короля, армия, организовано, постоянно в сборе, отлично дисциплинировано, ежеминутно готово действовать; напротив того, сила заключающаяся в нации, хотя бы в действительности несравненно большая, не организована, господа; воля нации и особенно степень решимости, которой достигла эта воля, не всегда может быть легко узнана ее членами; поэтому никто в точности не знает, сколько народа пойдет за ним. При том у нации нет тех орудий организованной силы, тех столь важных основ конституции, о которых я уже упоминал – пушек. Правда, они приобретаются на деньги граждан; правда, они изготавливаются и совершенствуются науками, развиваемыми гражданским обществом, физикой, техникой и пр. Стало быть, уже самое существование их доказывает, как велика сила гражданского общества, как велики успехи наук, технических искусств, отраслей фабрикации и труда всякого рода. Но здесь-то вспоминается стих Вергилия: «*Sic vos non vobis!*» («Ты делаешь это, да не для себя!»). Пушки изготавливаются всегда только для организованной силы; поэтому страна знает, что при столкновении найдет эти детища, этих свидетелей своей силы против себя. Вот отчего меньшая, но организованная сила часто, подолгу пересиливает гораздо большую, но неорганизованную силу нации, пока, наконец, при продолжительном заведывании и управлении национальными делами, в смысле противном нации, последняя решается противопоставить организованной силе свое неорганизованное превосходство.

Итак, господа, мы знаем теперь сущность обеих конституций страны, ее действительной конституции, реальных отношений силы,

существующих в стране, и ее писанной конституции, которую в отличие от первой можем назвать хотя бы листом бумаги.

Действительное уложение, действительную конституцию имела всякая страна всегда, как вы сами сейчас поймете; нет предубеждения более ложного, ведущего к более вздорным заключениям, как общераспространенное, господствующее мнение, будто уложения или конституции составляют исключительную особенность новейшего времени. Каждая страна необходимо пишет реальное уложение или конституцию, так же необходимо, как всякое тело, всякий организм, непременно так или иначе устроенный, имеющий какую-нибудь хорошую или дурную конституцию. Ведь в каждой стране непременно же существуют какие-нибудь фактические отношения силы.

Когда во Франции задолго до французской революции прошлого века, под абсолютной монархией, король Людовик XVI декретом 3 февраля 1776 г. отменить дорожную повинность, обязывавшую крестьян безвозмездно работать на дорогах, проводить и чинить их, и, взамен того, ввел для покрытия дорожных расходов налог, падавший и на землю дворянства, французский парламент воспротивился этому и возразил: «*Le peuple de France est tailable et corveable a volonte c'est une partie de la constitution que le roi ne peut changer*», т.е.: «французский народ (народ не привилегированный, низший), может быть облагаем податями и повинностями но произволу; это часть конституции, которую король не может изменять».

Вы видите, стало быть, господа, что и тогда, как теперь, говорили о конституции и даже о такой, которую король не может изменять. Правда, то, чему здесь придается значение конституции, – возможность по произволу облагать низший народ податями и повинностями, – не было в то время записано в особой грамоте, в которой были бы переписаны все права страны и все важнейшие правительственные принципы, это было просто выражением фактических отношений силы в средневековой Франции. В средние века низший народ был действительно так бессилен, что его можно было по произволу облагать податями и повинностями; с этими фактическими отношениями сил, всегда и соображались, народ всегда так и обременяли. Этот фактический ход дела давал так называемые прецеденты, которые играют такую важную роль в конституционных вопросах в средние века, а в Англии до сих пор. При таком фактическом обременении народа, часто и высказывалось, что можно обременить народ таким образом. Иначе, впрочем, и быть не могло. Высказанное мнение это становится государственно-правовым принципом, на который потом, в подобных случаях, ссылались. Впрочем, разные особенные обстоятельства, коренившиеся в фактических отношениях силы, нередко получали и особенное выражение и признание на пергаменте. Таким образом,

возникали разные franchises, вольности, права, льготы, статуты сословий, промыслов, городов и т.д.

Все эти факты, прецеденты, государственно-правовые принципы, пергаменты, вольности, уложения, привилегии составляли в совокупности конституцию страны, и все это было в сущности ничем иным, как простым наивным выражением реальных соотношений силы, существующих в стране.

Следовательно, действительную конституцию имели все страны во все времена. Стало быть, новейшему времени исключительно свойственны не действительные, а писанные конституции или листы бумаги: чрезвычайно важно не упускать этого из виду.

В самом деле в новейшее время мы видим почти во всех государствах стремление к приобретению писанной конституции, которая должна содержать и утверждать в одной грамоте, на листе бумаги, все учреждения и правительственные принципы страны.

Что за причина этого исключительного стремления новейшего времени?

Это также очень важный вопрос, и, только ответив на него, можно узнать, как надо браться за создание конституции, что следует думать о существующих уже конституциях и как относиться к ним, словом, только этот ответ может научить всему конституционному искусству и всей конституционной мудрости.

Итак, я спрашиваю: что за причина этого исключительного стремления новейшего времени к созданию писанных конституций?

Но, господа, в чем же может заключаться эта причина?

Очевидно, лишь в том, что в действительных отношениях силы существующих в странах, одержимых этим стремлением, произошла перемена. Но произойди перемены в действительных отношениях сил общества; останься эти отношения прежними, было бы невозможно и немислимо, чтобы это общество почувствовало стремление к новой конституции. Оно осталось бы при прежнем; самое большее, что оно могло бы сделать – это собрать в одной грамоте рассеянные части своей конституции.

Как же происходит перемена в действительных отношениях силы общества?

Представьте себе средневековое государство, с редким населением, как все тогдашние государства, с королем и с дворянством, которому принадлежит большая часть земли. По малочисленности населения лишь самая ничтожная часть его может находиться в распоряжении у промышленности и торговли; большинство населения нужно еще для обработки земли и производства необходимых земледельческих продуктов. Так как большая часть земли в руках дворянства, то население

это находит занятие и работу у дворянства, к которому состоит в различных отношениях зависимости – вассалов, крепостных, наследственных арендаторов и т.д., все эти разнообразные отношения состоят в разных степенях одного и того же – зависимости, населения от дворянства; эта зависимость заставляет население служить дворянству вассальную службу и сражаться за него в его войске. Но излишек земледельческих продуктов, которые дворянство получает с своих поместий, оно содержит в своих замках рейтаров и телохранителей, вообще разных солдат.

Против этой силы дворянства государь не имеет в сущности никакой действительной силы, кроме помощи тех дворян, которые добровольно – принудить их ему трудно – откликнутся на его призыв, да пожалуй, еще ничтожную, не стоящую помощь немногих и слабонаселенных городов.

Какова, полагаете вы, будет конституция подобного государства?

Она необходимо будет такова, какою ее определяют эти действительные соотношения силы страны.

Конституция будет сословная; дворянство будет первым и во всех отношениях господствующим сословием. Без его согласия государь будет не в праве предписать ни гроша налога; отношение его к дворянству будет не иное, как *primus inter pares*, первого между равными.

И действительно, господа, такова была в средние века конституция Пруссии и большей части других государств.

Но теперь предположим, что население все более и более умножается, промышленность и ремесла начинают процветать и этим дают необходимые средства существования для нового возрастания населения, которое начинает наполнять города. Капитал и денежное богатство начинают развиваться в руках буржуазии и городских гильдий. Что теперь будет?

Возрастание городского населения, не зависящего от дворянства, интересы которого даже противоположны его интересам, служит на пользу государю, с возрастанием населения умножается число способных носить оружие, которыми государь может располагать, горожане и промыслы, сильно терпящие от непрерывных дворянских усобиц, должны желать гражданского спокойствия и безопасности, правильного правосудия в стране, в интересах торговли и производства, поэтому они охотно поддерживают государя деньгами и людьми; на их субсидии государь может, как только ему понадобится, собрать, порядочную военную силу, далеко превосходящую силы дворянства. Тогда государи начнут все более и более ограничивать власть дворянства, отнимать у него право вести войны; они будут разрушать его замки, если оно нарушает законы страны;

наконец, с течением времени промышленность до того разовьет денежное богатство и население страны, что даст государю возможность составить постоянную армию; государь двинет свои полки на собрание чинов, как великий курфюрст, и со словами Фридриха Вильгельма I: "je stabilirai die Souveränität wie einen rocher de bronze"² –уничтожит податную льготность дворянства и положит конец праву его утверждать налоги.

Вы видите, что здесь с переменой реальных отношений силы происходит и перемена конституции, возникает абсолютная монархия.

Государю нет надобности писать новую конституцию; монархия слишком практична, чтобы заниматься этим. У государя в руках реальное фактическое средство власти, постоянная армия, составляющая действительную конституцию этого общества; с течением времени государь и его приверженцы сами высказывают это, называя страну "военным государством".

Дворянство далеко не имеет возможности соперничать с государем и давно должно отказаться от самостоятельной военной силы. Оно забыло свое прежнее противодействие государю, забыло, что было равным ему, переехало большей частью из своих замков в резиденцию, получило там пенсии и жалованья и послужило к усилению блеска и значения монарха.

Но промышленность и ремесла развиваются все более и более, с их процветанием население все возрастает и возрастает.

По-видимому, этот прогресс по-прежнему служит только на пользу государю, который может вследствие этого постоянно увеличивать свою армию и, таким образом, достигает, наконец, всемирного значения.

Но развитие гражданского общества достигает, наконец, таких громадных, таких гигантских размеров, что государь не может даже посредством армии удерживаться в равной прогрессии с этим возрастанием силы граждан.

Чтобы пояснить это, вот вам несколько цифр, господа.

В 1657 г. Берлин имел 20.000 жителей. Почти в то же время, ко времени смерти великого курфюрста, армия простиралась до 24-30.000 человек.

В 1803 г. в Берлине было уже 153.070 жителей.

В 1819 г., шестнадцать лет спустя, в Берлине было уже 192.646 жителей.

В этом году армия простиралась до 137.639 человек, в то время, как вам известно, в силу сентябрьского закона 1814 г., который теперь хотят отнять у нас, ландвер не причислялся к армии.

---

² Обыкновенная манера этого короля – выразиться смесью коверканного французского с немецким языком; этою фразою он хотел сказать: утвержу самодержавие как бронзовую скалу (Прим. *перев.*).

Вы видите, что армия была тогда вчетверо больше, чем при великом курфюрсте.

Но число жителей Берлина возросло в 9 раз.

Но тут начинается еще более необыкновенное развитие.

В 1846 г. население Берлина — все цифры заимствованы мною из официальных источников — дошло до 389.308 жителей, почти до 400.000, следовательно, оно увеличилось с 1819 г. вдвое. В 27 лет оно больше, чем удвоилось, а теперь, как вам известно, простирается до 550.000 жителей.

А постоянная армия же была в 1846 г. силою только в 138.810 человек. Стало быть, она почти не увеличивалась с 1819 г., нисколько не участвуя в этом громадном развитии гражданского населения.

При таком громадном развитии, гражданство начинает сознавать себя самостоятельной политической силой. Рука об руку с этим развитием населения еще более развивается общественное богатство; также сильно развиваются и науки и общее образование общественного сознания, что, как мы видели, составляет также часть конституции. Граждане начинают рассуждать так: мы не хотим долее быть управляемой массой, не имеющей собственной воли; мы хотим сами властвовать, и надо чтобы государь управлял нами и заведовал нашими делами лишь так, как мы сами хотим.

Короче сказать, господа, реальные фактические отношения силы, существовавшие в стране, опять изменились. Другими словами: в обществе наступило — 17 марта 1848 г.!

Таким образом, здесь случилось как раз то, что в начале нашего исследования мы предположили совершенно невозможным примером. Мы предположили, что общество лишилось всех своих законов от пожара. На самом деле, они погибли не от пожара, а от бури:

"Das Volk stand auf,
Der Sturm brach los"³

После победоносной революции в обществе частное право остается неприкосновенным, но все законы публичного права ниспровергнуты или сохраняют лишь временное значение, и надо создать новые.

Таким образом, представляется необходимость сделать новую писаную конституцию, и вот король сам созывает в Берлин национальное собрание, чтобы постановить, как сперва говорили, новую писаную конституцию или, как говорили потом, чтобы согласиться с ним насчет нее!

Теперь спрашивается: какие условия нужны, чтобы писаная конституция была хороша и прочна.

Из всего нашего исследования, очевидно, следует, господа, что для этого необходимо одно условие, а именно, чтобы писаная конституция

---

³ Народ восстал, буря разразилась.

соответствовала действительной, т.е. реальным отношениям силы, существующим в стране. Как скоро писаная конституция не соответствует действительной, между ними происходит столкновение, которого ничем нельзя предупредить и в котором писаная конституция, листок бумаги, неизбежно побеждается действительной конституцией, действительными отношениями силы, существующими в стране.

Что же следовало делать?

Следовало прежде всего создать не писаную, а действительную конституцию, т.е. изменить существующие в стране реальные отношения силы, изменить их в пользу граждан.

Правда, 18 марта показало, что сила нации уже теперь больше силы армии. После долгого и кровавого боя войска были принуждены отступить.

Но я уже указал вам на важную разницу между силой нации и силой армии, по которой сила армии, хотя собственно меньшая, оказывается, однако, с течением времени более действительной, чем превосходящая ее размером сила нации.

Разница эта, вы помните, состоит в том, что сила нации не организована, а сила армии организована, ежедневно готова возобновить бой и потому должна оказаться с течением времени более действительной, удержать победу за собой против большей, но не организованной силы нации, которая сплывается в дружную массу лишь в редкие минуты чрезвычайного возбуждения.

Следовательно, чтобы победа 18 марта не осталась необходимо бесплодной для народа, надо было воспользоваться минутой ее для преобразования организованной силы армии так, чтобы она не могла более служить государю средством против нации.

Надо было, напр., ограничить службу солдата шестимесячным сроком. Этот срок признается первейшими военными авторитетами совершенно достаточным, чтобы дать солдату полное военное обучение, а с другой стороны, он слишком краток, чтобы внушить солдату особый дух касты; он настолько краток, что требует постоянного возобновления армии из среды народа и этим превращает ее из войска государя в народное войско.

Далее следовало постановить, чтобы все низшие офицеры, по крайней мере, до майора включительно, не назначались свыше, а избирались самими войсками, чтобы офицерские должности замещались не во враждебном народу духе, что так способствует обращению армии в слепое орудие власти государя.

Следовало также постановить, что все проступки служащих в армии, кроме специально военных, должны подлежать обыкновенному гражданскому суду; это научило бы армию считать себя общей с народом,

а не чем-то особым, какою-то кастой. Далее, все пушки, которые должны ведь служить только на защиту страны, следовало отдать на хранение городским властям, избираемым народом, за исключением небольшого числа необходимых для военных упражнений. Часть этой артиллерии следовало употребить на образование артиллерийских отрядов, гражданского ополчения, национальной гвардии, чтобы, таким образом, поставить народу и пушки, эту столь важную часть конституции.

Ничего этого не было сделано весной и летом 1848 года, и после этого можно ли удивляться, господа, что в ноябре мартовская революция была обращена вспять и осталась бесплодной? Разумеется, нельзя, и реакция была необходимым последствием того, что в реальных фактических отношениях силы не было произведено никакой перемены.

Государям, господа, служат гораздо лучше, чем вам! Слуги государей не краснобаи, какими часто бывают слуги народа. Это люди практические, инстинктивно понимающие в чем суть. Господин фон Мантейфель был плохой оратор. Но это был человек практический! Разогнав в ноябре 1848 г. национальное собрание и выставит на улице пушки, за что прежде всего принялся он? Не строчить ли реакционную конституцию? Как бы не так! Он знал, что всегда успеть сделать это! В декабре 1848 года он даже сам дал вам писаную конституцию, довольно либеральную. С чего же начал он в ноябре? Что было его первой мерой? О, вы, конечно, помните: он начал с обезоружения граждан. Видите, господа, первым делом победителя должно быть обезоружение побежденного, если он не хочет, чтобы борьба ежеминутно возобновлялась.

Наше исследование, господа, вначале было очень медленно, потому что мы искали прежде всего самого понятия конституции. Быть может, некоторым оно показалось слишком медленным. Но зато вы видели, что как только мы нашли это понятие, перед нами одно за другим раскрылись поразительнейшие последствия, и теперь мы знаем этот предмет гораздо лучше, яснее и глубже, чем другие. Мало того, мы пришли к выводам, большей частью совершенно противоположным тем воззрениям на этот предмет, которые господствуют в общественном мнении.

Рассмотрим вкратце еще несколько таких выводов.

Я показал, что в 1848 г. не было принято ни одной необходимой меры для изменения существовавших в стране фактических отношений силы и для превращения армии из армии государя в народное войско.

Было, впрочем, сделано одно предложение, клонившееся к этой цели и представлявшее первый шаг на этом пути. То было предложение Штейна принудить министерство издать приказ по армии, имевший целью заставить удалиться из нее всех реакционных офицеров.

Но вы помните, господа, что едва берлинское национальное собрание приняло это предложение, как вся буржуазия и половина страны

завопили: национальное собрание должно вырабатывать конституцию, а не разбирать дразги с министерством, не должно тратить время на понукания, не должно вмешиваться в дела исполнительной власти; вырабатывать конституцию, только и знайте, что вырабатывать конституцию, кричали они, точно кругом загорелось!

Вы видите, господа, что вся буржуазия, целая половина страны, говорившая это, не имела ни малейшего понятия о сущности конституции!

Сочинение писаной конституции было самым неважным делом; это можно было сделать, если бы понадобилось, в двое суток: это было последнее, о чем следовало думать, сделанное преждевременно, оно было бесполезнейшим делом.

Преобразовать действительные, фактические отношения силы в стране, вмешаться в исполнительную власть, так вмешаться, так фактически преобразовать ее, чтобы она уже никогда не могла самостоятельно противостоять воле нации – вот в чем было дело, вот что следовало сделать, чтобы писаная конституция могла быть прочна.

Так как национальное собрание принялось за писаную конституцию слишком рано, то ему не дали времени даже кончить ее и прогнали его при помощи не сломанных орудий силы исполнительной власти.

Второй вывод. Предположите, что национальное собрание не прогнали бы, что ему удалось бы выработать и постановить конституцию.

Изменило ли бы это хоть сколько-нибудь существенно течение дел?

Нисколько, господа, и доказательство этому представляют самые факты. Хотя национальное собрание было прогнано, но король, по оставленным им бумагам, сам сочинил и провозгласил 5 декабря 1848 г. конституцию, в главных пунктах совершенно такую же, какой мы могли ожидать от национального собрания.

Эта конституция была не навязана королю, а провозглашена им самим, добровольно дана им после победы. Казалось бы, что тем более можно рассчитывать на ее прочность.

Нет, господа! Невозможно! Если у вас в саду растет яблоня и вы повесите на нее ярлык с надписью: сие есть фиговое дерево – сделается ли яблоня фиговым деревом? Нет, и хотя бы все ваши домочадцы, хотя бы все жители околотка собрались и громогласно, торжественно поклялись и присягнули: сие есть фиговое дерево – дерево останется, чем было, и на будущий год это окажется, когда на нем вырастут яблоки, а не фиги.

То же и с конституцией. Все равно, что ни написать на листке бумаги, если написанное противоречит реальному положению вещей, фактическим отношениям сил.

Король сделал добровольно на листке бумаги 5 декабря 1848 г. много уступок, которые все противоречили действительной конституции, реальным фактическим отношениям силы, которую король удержал в

своих руках неослабленною. Поэтому, действительная конституция должна была шаг за шагом пробиться чрез писаную с такою же необходимостью, какая заключается в законе тяготения.

Так, хотя конституция 5 декабря 1848 г. была принята ревизионным собранием, король должен был произвести в ней первое изменение, — жалованный трехклассный избирательный закон 1849 г. С помощью палат, порожденных этим избирательным законом, были произведены в конституции дальнейшие существеннейшие переделки, пока в 1850 г. король не присягнул ей, а как только присягнул, так тут-то и началось настоящее перекраивание. С 1850 г. не проходило года без переделок в конституции! Любое знамя, перебивавшее в ста сражениях, меньше ободрано и протыкано, чем наша конституция!

Третий вывод. Вам известно, господа, что в вашем городе есть партия, органом которой служит «Народная Газета», партия, цепляющаяся с лихорадочным трепетом за этот оборвыш знамени, за эту изувеченную конституцию, называющая себя поэтому «неизменными приверженцами конституции» и избравшая боевым кличем вопль: «Давайте держаться конституции, ради Бога конституция, караул, спасите, гибнем, погибаем!»

Как скоро вы видите партию, — все равно, где и когда бы вы ни видели ее, — которая издает на подобие боевого клича трепетный вопль «держаться за конституции», — что заключите вы из этого явления, господа? Я спрашиваю вас, господа, не о намерениях, не о желаниях ваших; я спрашиваю вас только о мыслях ваших: что заключите вы из этого явления?

Не будучи пророками, вы с величайшей уверенностью скажете при виде этого: эта конституция находится при последнем издыхании; она уже все равно, что труп; еще несколько лет, и ее не будет.

Причины просты. Когда писаная конституция соответствует существующим в стране фактическим, отношениям сил, подобных воплей не раздастся. К такой конституции никто не подступится, и всякий побоится коснуться ее. Никому в голову не войдет ввязываться с ней в борьбу, а если бы кто ввязался, то ему пришлось бы плохо. Где писаная конституция соответствует реальным фактическим отношениям силы, там невозможно подобное явление, чтобы какая-нибудь партия взяла себе особым боевым кличем "держаться за конституцию". Где подобный клич раздастся, он сам служит верным и несомненным признаком, что он — вопль страха; другими словами: он доказывает, что в писаной конституции есть нечто противоречащее действительной конституции, фактическим отношениям силы. А где такое противоречие существует, там писаная конституция погибла неизбежно, и никакой бог, никакие вопли не спасут ее!

Она может измениться в две противоположные стороны, вправо и влево, но уцелеть не может. Это доказывает всякому здравомыслящему человеку самый вопль о сохранении ее. Она может измениться; вправо, если изменение предпримет правительство, что согласовать писаную конституцию с фактическими условиями организованной силы в обществе. Или выступит неорганизованная сила общества и снова докажет свое превосходство над организованной. В таком случае конституция будет изменена и отменена влево, как в первом – вправо. Но во всяком случае она погибла.

Если вы не только запомните и тщательно обдумаете речь, которую я имел честь произнести перед вами, господа, но выведете из нее все последствия, какие вытекают из, нее, то приобретете все конституционное искусство и всю конституционную мудрость. Конституционные вопросы, прежде всего, вопросы силы, а не права; действительная конституция страны заключается лишь в существующих в стране реальных фактических отношениях силы: писанные конституции тогда только имеют значение и прочность, если представляют точное выражение действительных отношений силы в обществе, – вот принципы, которые вам надо запомнить. Сегодня я объяснил вам эти принципы, осветив их только со стороны военной силы, потому что, во-первых, время не позволяло мне разобрать другие стороны, а, во-вторых, войско есть решительнейшая и важнейшая из организованных сил. Но вы понимаете, что то же относится к организации служителей правосудия, чиновников администрации и т.д.; все это также организованные средства силы общества. Запомните эту речь, господа, чтобы знать, если когда-нибудь опять получите возможность самим себе делать конституцию, как действовать в этом случае, знать, что дело делается не исписыванием бумаги, а изменением фактических отношений силы.

А пока, для повседневного обихода, вы сами, и без моих указаний узнаете из этой речи, из какой потребности проистекают нынешние военные реформы, предлагаемые правительством, его требование увеличить армию. Вы сами укажете пальцем сокровенный источник этого предприятия.

Господа! Служители монархии – практики, а не краснобаи, но таких практических служителей следует пожелать и вам.

Е.В. СПЕКТОРСКИЙ (1875-1951)

Что такое конституция?⁴

Исторические материалисты усвоили учение Карла Маркса, согласно которому конституционные и всякие иные правовые и государственные идеи и установления не имеют ни решающего ни вообще существенного значения, ибо главное в общественной жизни – это борьба экономических классов, преимущественно капиталистов и рабочих, за хозяйственные блага. В этой борьбе конституции и кодексы как бы сами собою, автоматически надстраиваются над экономическим фундаментом общества, отражая существующее в нем реальное соотношение сил. С точки зрения такого понимания вещей, бесплодны все усилия юристов и политиков дать своей стране возможно лучшую конституцию или вообще какую бы то ни было искусственную конституцию: ведь у каждой страны и без этих усилий есть своя совершенно естественная конституция иными словами, реальное соотношение общественных сил. Как объяснил другой немецкий социалист Лассаль в речи «О сущности конституции», сущность прусской конституции состоит вовсе не в статьях основных законов, составленных юристами, а во взаимодействии сил короля, опирающегося на армию, дворянство, владеющее поместьями, промышленников, купцов, но также и ремесленников и рабочих, поскольку они тоже представляют реальную силу.

Все эти рассуждения ошибочны в двояком отношении. Во-первых, они основаны на смешении права и факта. Одно дело правомерное соотношение сил, другое дело – фактическое. Когда убийца или грабитель нападает на свою беззащитную жертву, получается вполне определенное реальное соотношение сил в данный, по крайней мере, момент. Но кто станет утверждать, что такое соотношение и есть единственно возможное право? Во-вторых, как бы ни была непримирима экономическая борьба классов, есть известные блага, предоставляемые конституцией, которые равно ценны для каждого человека, независимо от его принадлежности к тому или иному классу. И капиталист и рабочий, и горожанин и крестьянин равно заинтересованы в том, чтобы не подвергаться произвольному аресту, иметь право свободно высказывать свои мнения, участвовать в управлении страной и т.п. Словом, конституция есть нечто такое, что, нисколько не устраняя классовую борьбу и отнюдь не обещая этого, равно необходима для всех, подобно просвещению и другим благам культуры. Тем не менее, у нас очень распространено убеждение, что вне экономических классов и их борьбы нет и не может быть ничего в

---

⁴ Приводится по: Конституционное право. Общая часть: Учебное пособие в 2-х частях. Хрестоматия. Конституционно-правовая мысль XIX – начала XX века / сост. Н.А. Богданова. 2-е изд. М., 1996.

обществе, что сообразно с этим у каждого общества имеется и без юристов своя естественная, стихийная конституция, и что стремление к искусственной конституции соответствует идеологии и интересам лишь господствующей в настоящее время буржуазии.

Конституционное начало встречает немало и других возражений, и притом не только в реакционных, но также и в революционных кругах. Одни отвергают его во имя так называемой диктатуры – диктатуры рабочего класса, пролетариата и т.п. групп. При этом они упускают из виду, что диктатура – это ничем не ограниченная, самодержавная власть, и такая власть всегда может выродиться в произвол и даже деспотизм, совершенно независимо от того, принадлежит ли она одному лицу, например монарху, или же представителям класса, а то и целому классу. Власть всегда опьяняет тех, кто ею пользуется. И чем сильнее власть, тем больше опасность злоупотребления ею. Другие отвергают конституцию потому, что она рассчитана на мирное, органическое течение государственной жизни. Они же, мятежные, ищут бури. Они предпочитают течение критическое. Они – сторонники непрерывной («перманентной») революции. Но при этом они упускают из виду, что революция – это как бы лихорадка общественного тела. Временная лихорадка обновляет организм, постоянная же убивает его. А кроме того, после лихорадочного возбуждения обыкновенно наступает слабость, апатия, усталость. И вот нельзя рассчитывать на то, чтобы революционное возбуждение длилось годами и даже вечно. Люди не могут долго выдержать напряженного ожидания переворотов, когда завтра, завтра утром, а, может быть, еще и сегодня вечером может наступить полное изменение всех общественных и политических отношений. Опыт истории слишком убедительно показывает, что за эпохами революционного подъема неизбежно следуют такие времена, когда общество устает, впадает в апатию, теряет веру не только в революции, но даже и в реформы. Тогда оно отказывается от сознательного переустройства своей жизни и предоставляет себя во власть или естественного, косного течения событий, или даже реакционных сил, которые обыкновенно в это время поднимают голову и торжествуют. И вот очень неосмотрительно поступают те, которые, пренебрегая этим обычным исходом революционных движений, тешат себя и других иллюзией вечной революции и не спешат использовать революционный кризис для того, чтобы закрепить фактическую свободу, превратить ее в правомерную и тем достойно подготовиться к борьбе с апатией и реакцией.

Таким образом, конституция необходима для всякого государства. Особенно она необходима для государства, переживающего революцию. Мало сбросить устаревшие формы политической жизни. Необходимо установить новые формы, Мало завоевать свободу. Необходимо ее обеспечить. И обеспечить ее надлежит не только силой, ибо сила может

иссякнуть или столкнуться с большею и враждебной силой, а правом и законом. Какое же обеспечение делает данное государство конституционным? Иными словами, что такое конституционное государство?...

И вот конституционным государством является такое, где власть не только организована, но еще и ограничена, и притом не фактически только, а юридически или правомерно. ограничена же она ни чем другим, как признанием за населением публичных прав или политической свободы. Осуществляя эти права, население превращается из управляемых подданных в самоуправляющихся граждан.

Совокупность таких ограничений образует конституцию данной страны, не ту, о которой говорил Лассаль и которая представляет лишь фактический учет реальных сил страны, а ту, о которой учат юристы и для которой право выше факта.

По способу происхождения писанные конституции делятся на пожалованные или октроированные, и устанавливаемые волею народа. Конституция октроируется тогда, когда монарх, обладающий всей полнотой... власти, сам себя ограничивает и уступает населению те или иные публичные права. За вычетом этих уступок вся полнота власти по-прежнему остается у монарха. Иной характер конституции, устанавливаемой волею народа (обыкновенно на учредительном собрании). Здесь вся полнота власти принадлежит народу. Ему принадлежит власть учреждающая. От него же происходят и власти учреждаемые.

По степени легкости изменения в будущем конституции делятся на твердые и гибкие. Твердые конституции – это такие, которые состоят раз навсегда и которые, согласно с этим, или совсем не подлежат изменению, или же могут быть изменены с большим трудом, путем очень сложной процедуры, созыва специальных учредительных собраний или обычных законодательных собраний, но с новым составом депутатов и с решением вопросов путем усиленного («квалифицированного») большинства и т.п. В основе каждой твердой конституции лежат две идеи. Во-первых, ее авторам кажется, что они и могут, и должны все решительно предусмотреть, и притом на вечные времена – подобно тому как в старину условия мира после войны обыкновенно тоже составлялись на вечные времена (что, однако, нисколько не предотвращало новых войн, начинающихся нередко очень скоро после заключения мира). Во-вторых, авторы твердых конституций убеждены, что в политике, как и в математике или логике есть вечные истины, вечно настоящие, обязательные для всех времен. И вот им кажется, что настоящая конституция каждой страны и должна быть такою вечно истинною конституцией. Так, например, в XVIII веке многие считали необходимой

принадлежностью истинного устройства власти ее деление, согласно учению французского писателя Монтескье, на три самостоятельные власти – законодательную, исполнительную и судебную. В разделение властей верили до того, что, например, философ Кант истолковывал христианский догмат троичности Божества в смысле разделения небесных властей тоже на законодательную, исполнительную и судебную. Известная французская декларация прав 1789 г. провозглашала, что государство, в котором не установлено разделения властей, не имеет конституции. Основываясь на этой вере, авторы конституции северо-американских штатов положили в ее основание начало разделения властей. Это начало действует в Америке и до сих пор, спустя сто тридцать лет и является препятствием к принятию Америкой так называемого парламентаризма, т.е. зависимости исполнительной власти министров от законодательной власти палаты представителей.

Гибкие конституции построены на двух началах. Во-первых, на мысли о том, что не следует делать различия между учредительной и законодательной властью, между основными законами и обыкновенными. Такое различие еще уместно в странах с сильной монархической властью, позволяющей подданным участвовать в обычном, будничном законодательстве и сохраняющей за собой распоряжение основными законами в порядке пожалования. Но в странах демократических, где, даже и при наличии королевской власти, как в Англии, законодательство в полном объеме принадлежит палатам народных представителей, о таком различии не может быть и речи. Там действует иное начало – верховенство законодательных палат и их всемогущества. Таково, например, всемогущество английского парламента, который, как говорят, не может сделать только одного – превратить мужчину в женщину и обратное. Все же остальное он может сделать, значит также и изменить ту или иную часть английской конституции. Кроме того, авторы гибких конституций полагают, что в политике все относительно, нет ничего вечного и что сообразно с этим не следует связывать воли поколений, господствовать над ними из-за могилы. Один из авторов французской конституции 1793 г. Кондорсе, который, будучи сам крупным математиком, слишком хорошо понимал, как велика разница между математическими и политическими истинами, предлагал даже обязательно созывать новое учредительное собрание через каждые 20 лет, т.е. с появлением каждого нового поколения, которое могло бы сознательно пересмотреть и усовершенствовать работу предшествовавшего поколения.

Некоторые конституции являются полугибкими-полутвердыми. Такова, например, нынешняя французская конституция. С одной стороны, она может быть сравнительно легко изменена, хотя и не в совсем обычном законодательном порядке: проект изменения голосуется сначала в обеих

палатах отдельно, затем в их соединенном заседании, причем требуется усиленное большинство голосов. Но, с другой стороны, одна особенность французской конституции, так сказать, забронирована навсегда: это именно республиканская форма правления; она ни в коем случае не может быть отменена. Таким образом, у Франции есть законные пути для изменения избирательной системы, перехода от двухпалатной системы представительства к однопалатной, расширения или сокращения власти президента и т.п. Но для перехода от республики к монархии законных путей нет. Такой переход возможен только в виде насильственного переворота.

Вопрос о том, какая конституция предпочтительнее – гибкая или же твердая, решается далеко не единодушно. В пользу твердых конституций говорит то, что они стремятся создать прочный государственный порядок и установить незыблемые принципы общежития людей. Но против них говорит то, что они лишают будущие поколения возможности перестраивать свою жизнь мирным путем и, в случае накопления слишком большого недовольства старым строем, толкают их на путь революции. В пользу гибких конституций говорит то, что они считаются и с эволюцией, т.е. развитием жизни с течением времени, и с необходимостью реформ. Против них говорит то, что они как будто не видят никакой разницы между изменением государственного строя и так называемой законодательной вермишелью, т.е. мелкими законами, которые в большом количестве чуть не ежедневно проходят через палаты представителей при случайном составе депутатов.

Может возникнуть вопрос, что должна в себе содержать писаная конституция и чего в ней не должно быть. Она должна содержать в себе законы об организации публичных властей, а также законы о публичных правах населения, ограничивающих эти власти. Этой последней стороне дела во время французской революции 1789 г. придавали такое большое значение, что, прежде чем составлять конституцию, составили знаменитую декларацию прав человека и гражданина. В нынешней французской конституции 1875 года нет ни такой декларации, ни даже особого перечисления политических свобод граждан. Это, конечно, не значит, что эти свободы не признаются во Франции и что они не ограничивают ее властей. Это просто значит, что эти свободы еще до конституции получили признание и судебную защиту. И посему там можно уже обойтись без специального упоминания о них, чего никак нельзя сказать про более отсталые в политическом отношении страны.

Вот собственно и все, что должно быть в писаной конституции. Против этого одного погрешают многие конституции. В них много таких постановлений, которые относятся собственно к обычному законодательству и которые только загромождают конституцию. Так,

например, прусская конституция предусматривает, что народные учителя будут получать казенное жалование, германская устанавливает понижение железнодорожного тарифа, швейцарская – воспрещение убоя скота по еврейскому ритуалу, конституции отдельных американских штатов – законы против пьянства, азартные игры, проституции и т.п. Все эти законы попадают в конституции или вследствие того, что им придают особую важность, или потому, что не различают по существу конституционных и обыкновенных законов, или, наконец, потому, что, как в Америке, обыкновенный закон может быть отменен судом вследствие его несоответствия конституции, а конституционный закон судом уже отменен быть не может; и поэтому всякого рода мероприятия против пьянства, игры и распутства как нарушающие гарантированную конституцией свободу личности распорядиться собой хотя бы и во вред самой себе могут получить силу закона только путем включения в конституцию.

Наконец, в настоящей конституции не должно быть никаких экономических законов. Авторы французской конституции 1848 г. хотели было включить в нее право на труд, но затем отказались от этого. Как бы ни были важны экономические проблемы, как бы неотложно ни было их разрешение, оно должно быть сделано в порядке особого социального законодательства. И оно не должно осложнять собой конституции. Конечно, в благоустроенном государстве нельзя обойтись без обширной социальной политики. Но относительно ее задач и размера отдельные люди и классы, вероятно, еще долго будут спорить, тогда как относительно основ благоустроенной государственной жизни эти же самые люди и классы скорее могут прийти к соглашению. Так, например, по вопросам политическим программа-минимум социалистов почти совершенно совпадает с программой так называемых буржуазных партий, что отнюдь не мешает им расходиться в своих экономических программах. Поэтому выработка конституции и может, и должна быть выделена в особую задачу.

Сообразно с этим конституция обещает много, но далеко не всё.

Она не устраняет социальной борьбы, религиозной, классовой и иной. Зато она вводит её в культурную форму. Она не производит социальных реформ. Зато она создает для них законную возможность. Она вообще не разрешает по существу ни одного общественного вопроса. Зато без неё нельзя разрешить ни одного вопроса, ибо она устанавливает пути для разрешения всяких общественных вопросов. И хотя конституционная идея имела немало мучеников и пострадавших за неё, особенно у нас в России, она теперь носит не столько принципиальный, сколько чисто технический характер. Хорошая конституция – это всё равно, что хорошие пути сообщения. Кто заботится о них, тот не спрашивает, почему и зачем едут пассажиры, должны ли они вообще ехать; тот просто старается

увеличить число поездов, ускорить их ход, удешевить проезд и т.п. Подобным же образом и конституция формальна. Она стремится всем обеспечить свободу передвижения, слова, веры, участие в государственных делах. И при этом она не читает в сердцах, не спрашивается об убеждениях, о принадлежности к той или иной партии. Вот почему в свою очередь все партии, при всей своей борьбе по другим вопросам и могут и должны сойтись на вопросе о конституции, ибо она гарантирует общечеловеческие блага – свободу и порядок. И если как удастся упрочить у себя в России прочный конституционный строй, то в отличие от наших предков, призывавших варягов, мы вправе будем сказать: земля наша велика и обильна, и порядок в ней есть.

П.И. НОВГОРОДЦЕВ (1866-1924)

Демократия на распутье⁵

Если есть в государстве внутренняя сила, которою оно держится, то, несмотря на всяческие бедствия, формы его меняются. Каждая из этих форм может быть хуже или лучше в зависимости от того, следует ли они по пути закона или отступают от него, имеют ли они в виду общее благо или собственные интересы правителей. Но все эти формы подвижны, изменчивы; ни одна из них не является прочной. В частности, демократия подлежит тому же закону изменений...

В страстном и суровом изображении Платона эта изменчивость демократии превращается в болезненное, лихорадочное горение; с виду это — лучшее из правлений... но именно вследствие того, что в жизни тут нет ничего твердого, никакого плана и порядка, все здесь приходит в расстройство.

Изменчивость и подвижность демократии отмечает и Аристотель... Худшим видом демократии он считает тот, в котором под видом господства народа правит кучка демагогов, в котором нет твердых законов, а есть постоянно меняющиеся предписания, в котором судебные места превращаются в издевательство над правосудием.

Прежде всего нужно установить, что разуметь под демократией и о какой демократии мы будем говорить... Сделать это тем более необходимо, что это понятие принадлежит к числу наиболее неясных понятий современной политической теории.

В XIX и XX столетиях слово «демократия» является почти повсюду господствующим лозунгом, и не удивительно, если оно, как всякий такой лозунг, утратило определенное и твердое содержание... Оно стало покрывать собою самые различные и часто совершенно противоречащие друг другу понятия.

Любой отделяющий себя от коммунистической партии социалист скажет сейчас, что диктатура пролетариата, осуществленная в России, есть полное отрицание демократических начал. Между тем сами деятели русского коммунизма с такой же уверенностью заявляют, что они-то как раз и осуществляют настоящую демократию, тогда как их противники стоят на почве формальной и призрачной демократии. Такого же рода упреки слышатся — и нередко — в других случаях, причем в спорах в понятие демократии большей частью вкладывается совершенно различное содержание.

Это есть правление не какого-либо одного класса, а всех классов вместе, всей массы народа в совокупности. Демократической идее одинаково противоречит всякое классовое господство, всякое поставление одних классов над другими, все равно, какие бы это классы ни были, высшие или низшие.

---

⁵ Приводится по: *Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995.*

На основании этих определений монархическая Англия считается не менее, а в некоторых отношениях и более демократией, чем республиканская Франция. Равным образом и ряд других монархических стран, как Норвегия, Швеция, Дания, Бельгия, Голландия, причисляются к демократиям, в то время как республики Центральной Америки демократиями не считаются.

Новая теория рассматривает демократию как одну из форм правового государства... С этой точки зрения демократия означает возможно более полную свободу личности, свободу состязания мнений и систем... Демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе... Идею демократии соответствует открытость и широта всяких направлений и проявлений творчества. И хотя демократия представляет собой правление большинства, но, по меткому определению Рузвельта, лучшим свидетельством любви к свободе является положение групп, находящихся в меньшинстве. Ибо каждый человек, говорит он, «должен иметь одинаковую с другими возможность проявить свою сущность».

В политической литературе неоднократно высказывается мысль, что развитие государственных форм с неотвратимой закономерностью приводит к демократии... Демократия казалась естественным и неизбежным фактом, который наступит все равно, «боятся ли его или хотят его» (как выражался Шерер)... Одно из самых распространенных обыкновений нашего времени – в вопросах политики непременно становиться под знамя демократии.

Но с тех пор как в целом ряде стран демократия стала действительностью, она сделалась в то же время предметом ожесточенной критики. Если прежде самым характерным обобщением политической науки была мысль о грядущем торжестве демократии, то теперь таким обобщением следует признать утверждение о неясности ее будущего. Пока демократии ждали, о ней говорили, что она непременно наступит. Когда же она наступила, о ней говорят, что она может и исчезнуть... Опровергающие ее видят, что в ней все же можно жить и действовать; те, кто ее ценит, знают, что, как и всякое земное установление, она имеет слишком много недостатков для того, чтобы ее можно было чрезмерно превозносить...

Нередко думают, что с разрушением старых устоев тотчас же водворяется истинная свобода, что провозглашение всяких свобод и всеобщего избирательного права имеет само по себе чудесную силу... На самом деле то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, причем при наступлении анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые суровые формы демагогического деспотизма.

Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общества, приходит к самоуничтожению и к разрушению основ государственной жизни.

Демократия невозможна без воспитания народа – без поднятия его нравственного уровня... Чем сложнее и выше задачи, которые ставятся перед государством, тем более требуется для этого политическая зрелость народа и напряжение всех нравственных сил.

Лучшими формами демократии и сейчас, согласно Аристотелю и Руссо, приходится признавать простейшие по социальному составу страны, живущие жизнью простой и близкой к природе, какими являются Швейцария и Оранжевая Республика (одна из двух бурских республик Африки. – Сост.) до Южно-африканской войны. Здесь между массами и вождем было всего более близости. На второе место следует поставить демократии, где вожди сохраняют живую связь с народом и находятся под более или менее действительным его контролем. Таковы прежде всего англосаксонские демократии. Однако в отношении Соединенных Штатов и Канады приходится сделать оговорку о могущественном значении денег, о силе плутократии. Еще громче и тревожнее эти жалобы во Франции...

Конечно, утверждение, что чистый принцип демократии никогда не может быть осуществлен, должно быть ослаблено замечанием, что и другие государственные формы никогда не существуют в чистом виде... Демократия имеет бесспорные преимущества, но имеет и неистребимые недостатки – вот что говорит современная политическая мысль... Она обещала быть выражением общей воли, осуществлением равенства и свободы. Но принцип общей воли оказался загадочным и проблематическим, а начала равенства и свободы – сложными и противоречивыми.

Брайс прав, когда он говорит, что демократия опровергла предсказания не только ее друзей, но и ее врагов. Несомненно, в области практической... демократия достигла весьма значительных успехов. Но ее апостолы, сделавшие из нее религию, ожидали от нее необычайных успехов в области моральной, и здесь она оказалась бессильной. Она не сблизила народы в чувствах братства и дружбы... Она не создала общего довольства, не устранила страха революций. Напротив, классовая вражда стала серьезной угрозой внутреннему миру в государствах.

Демократический строй привел не к ясному и прямому пути, а к распутью; вместо того чтобы быть разрешением задачи, демократия сама оказалась задачей... Отнюдь не создавая твердого равновесия жизни, она более, чем какая-либо другая форма, возбуждает дух исканий... Более спокойные наблюдатели полагают, что прямой путь все же не утерян: более пылкие говорят, что выхода нет, что наступил трагический час... И там, где демократии существуют уже десятки лет, где они проявили способность противостоять величайшим опасностям и обнаружили удивительную доблесть граждан, как это было во времена недавней Мировой войны, они переживают сейчас внутреннее недомогание, испытывают серьезный кризис.

Н.И. ЛАЗАРЕВСКИЙ (1868-1923)

Лекции по русскому государственному праву⁶

1. История учения о разделении властей

Учение о том, что в государственной деятельности следует различать три функции: законодательную, исполнительную и судебную, – очень старо. Его можно встретить еще у Аристотеля и затем можно проследить у многих средневековых писателей.

Но у них это деление довольно неясно... Аристотель и средневековые авторы придают этому разграничению функций чисто техническое значение, тогда как теория разделения властей видит в этом разграничении трех функций необходимое условие достижения политической цели – гражданской свободы...

На эту точку зрения впервые стал Локк. Он довольно неудачно характеризует три эти власти как законодательную, судебную и федеративную, – власть заключать международные соглашения и вести международные отношения. Власть, которая соответствовала бы нашей административной, власти внутреннего управления, у него нет. У Локка получается не вполне точное изображение действительности. Но что ценно в постановке Локка – это, во-первых, что он ставит вопрос на политическую почву, а во-вторых, что он, что впрочем естественно у англичанина, требует верховенства законодательной власти. Эти идеи Локка были кое-кем восприняты, но распространения в публике не получили.

Идее разделения властей, как средства осуществить политическую свободу, получила широкое распространение в образованных кругах Европы и Америки и стала могущественною, мировую политическую силу, определившею ход государственного развития Европы и Америки в той постановке, какую ей дал Монтескье.

Что такое «политическая свобода»? По определению Монтескье, это «право делать то, что разрешено законами», и вместе с тем «спокойствие духа, происходящее от сознания своей безопасности». Эта свобода возможна только при «умеренном правительстве», когда нет злоупотребления властью; чтобы этих злоупотреблений не было, нужно, чтобы «власть сдерживала власть».

Чтобы выяснить, каким способом это может быть достигнуто, Монтескье считает нужным обратиться к рассмотрению такого государственного строя, который имеет своею задачей осуществление политической свободы. Относящиеся сюда несколько страниц «Духа законов» по справедливости признаются родоначальниками современной

---

⁶ Приводится по: *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908.

конституционной теории...Этот том книги имел для политического развития общественного мнения Европы громадное значение...

По мнению Монтескье, государства, помимо общей цели самосохранения, имеют каждое особую цель: Рим – расширение границ, Спарта – войну, Марсель – торговлю, Китай - общественное спокойствие и т.д. Есть одно государство, строй которого имеет свою непосредственную целью политическую свободу. Таким государством Монтескье считает Англию... Он в сущности дает характеристику основных принципов английской конституции... свои рассуждения он заканчивает замечанием, что он не останавливается на вопросе, пользуются ли англичане политической свободой; ему существенно показать, что она установлена их законами...

В высшей степени ценна и благородна самая постановка всех вопросов у Монтескье. Он все время имеет в виду интересы всего народа, а не каких-либо классов его, не интересы власти.

До Монтескье в теориях государственного права, выросших на почве неограниченной монархии, власти почитались соединенными в лице монарха. Того или иного их различия искали в самом их содержании: например, закон есть распоряжение общего характера, административное распоряжение относится к единичному случаю. Монтескье же не придает значения этим различиям по содержанию (материальным признакам), а различает власти исключительно по органам: он ищет обособление функций власти в том, что различные по значению правовые акты исходят от разных властей, от разных органов.

Установив различие властей по их органам, Монтескье увязал то твердое и ясно уловимое различие, которого раньше установить никому не удавалось. Прежде старались разложить деятельность короля на законодательную, административную и судебную (последние две признавались подзаконными, хотя и соединенными в руках надзаконного монарха). Монтескье решительно покончил с этой точкой зрения...

Но по поводу учения о необходимости разделения властей возникает вопрос, правильно ли это учение, осуществим ли тот порядок управления государством, который рисует Монтескье.

На этот вопрос приходится отвечать в значительной степени отрицательно.

Взаимное отношение властей ближе и точнее всего может быть понято из его теории, как равенство их, взаимное уравнивание. Но такое мнение о суде, администрации и законе несомненно не отвечает существу дела. Судебная власть по самому существу ее не может быть равна законодательной: суд решает дела по закону, он законом связан, а закон судом – нет. Тут по самому существу не равенство властей, а одностороннее подчинение одной власти другой. Но в еще большей

степени это неравенство властей очевидно в отношении властей исполнительной и законодательной: одна постановляет, другая исполняет то, что та постановила. Значит, поскольку в теории Монтескье можно усмотреть учение о равенстве властей, теория эта основана на некотором недоразумении.

Второе недоразумение его теории можно усмотреть в следующем: предположение о равенстве властей не дает выхода на случай возможной коллизии между ними. По многим вопросам государству необходимо иметь определенное решение. Останавливаться на каких-либо двух не примиренных и взаимно противоположенных решениях государству практически невозможно. Монтескье не только не указывает выхода из подобного рода положений, но и выход этот логически невозможен при той точке зрения, на которой он стоит: на точке зрения равенства властей.

В настоящее время является бесспорным, что Монтескье неточно излагал английский государственный строй, усматривая в нем такого рода раздельность властей и равенство их, каких в действительности и в его время не существовало.

Неточно охарактеризован у Монтескье английский король. Читая Монтескье, можно подумать, что король ведает только теми исполнительными делами, которые относятся к области международных отношений. Это ошибка, в которую Монтескье впал, следуя Локку...

Впрочем, если в самом начале главы XI, где он дает общее определение каждой из властей, Монтескье и говорит об «исполнительной власти в делах, относящихся к международному праву», то в дальнейшем изложении он как будто предполагает, что на короле лежат исполнительные функции и в области внутреннего управления. Но какие именно – это остается совершенно невыясненным, и мысль Монтескье трудно уловима. Во всяком случае, неверное определение, ограничивающее власть короля Англии международными отношениями, остается у него в силе.

Понятие об английском короле, как о власти только исполнительной, неверно, даже если мы дополним определение, данное Монтескье, обязанностями в области внутреннего управления.

Английский король есть также орган законодательной власти. Монтескье совершенно неверно охарактеризовал его участие в законодательстве как отрицательное право – право «мешать» изданию законов. Роль короля совершенно иная. В особенности в XVIII веке не подлежало сомнению, что законы получают силу не от парламента, а единственно от короля. Король возводит в законно тот проект закона, который принят парламентом. Роль короля – положительная, а не отрицательная: законодательная власть у него. Парламент в Англии без короля не может законодательствовать, и изображение роли короля как

такого органа, который может только помешать изданию парламентом того или другого закона, совершенно искажает юридическую природу отношений, существующих между парламентом и королем.

К тому же законодательные функции короля не ограничиваются тем, что он придает законопроектам, принятым палатами, силу закона. Король Англии имел и имеет в высшей степени существенное право предложения законопроектов парламенту – право законодательной инициативы. Таким образом, парламент и король в делах законодательства являются органами, действующими совместно, и раздельности, усмотренной Монтескье, в действительности не существовало, как не существует ее и в настоящее время.

Не существует и полного обособления короля от судебной власти, ибо в Англии и во время Монтескье были, и теперь существуют судьи, назначаемые королем.

Положение судебной власти Монтескье описал тоже неверно, или, правильнее сказать, неполно. Наряду с судом присяжных, который Монтескье, по-видимому, имеет в виду, когда говорит об организации судебной власти вообще, в Англии, как это только что указано, были и другие судьи: коронные, которые совершенно не подходят под требования Монтескье. Это судьи пожизненные, в высшей степени властные. И к ним ни в коем случае не применимо требование Монтескье, чтобы судебная власть не составляла постоянного учреждения, а была бы ничтожна и невидима.

Неточно также и его изображение законодательной власти. Парламент Англии не устранен ни от управления, ни – в известной степени – от суда. Его соприкосновение с судом выражается, между прочим, в праве требовать у короля (постановлением обеих палат парламента) увольнения пожизненно назначенных коронных судей. Что же касается участия в управлении, то помимо права предания министров суду, у парламента уже в то время было право влиять на состав министерства – министерства, не располагавшие поддержкою парламента, вынуждены были выходить в отставку. Связь парламента с управлением выражалась и в то время также тем, что министры всегда брались из состава парламента.

Таким образом, усмотренной Монтескье в Англии полной раздельности властей не существовало. Да, как мы видели, ее по существу дела и не могло бы существовать без крайних неудобств всему государству.

Но в особенности неверно относительно Англии, чтобы там было равенство трех властей в том смысле, чтобы одна власть могла сдерживать другую и составлять ей противовес в ее стремлениях. В Англии – и это является отличительною и характерною чертою английского государственного права, чертою особенно ценною и заслуживающею всякого подражания – издавна признается безусловное преимущество законодательной власти над всеми другими.

ВЕРХОВЕНСТВО ЗАКОНА (на деле – верховенство права. – *сост.*) – вот основной принцип английского государственного строя. По учениям английского права, «король-в-парламенте», то есть король, действующий совместно с парламентом, абсолютно всемогущи и юридически неограниченны. По английской пословице, «король-в-парламенте» может все, не может только мужчину обратить в женщину, то есть его власть ограничивается только физической выполнимостью. Две же другие власти – исполнительная и судебная – строго подзаконные.

Таким образом, учение Монтескье о том, что должно существовать равноправие трех обособленных, вполне отдельных властей, – неправильно, как неверно и его утверждение, что такое соотношение властей будто бы существовало в его время в Англии.

Но этим великая историческая заслуга Монтескье не умаляется. Все-таки за ним остается, что он ввел в широкие круги европейского и американского общества и сделал мировым достоянием ту идею, что для существования гражданских свобод необходимо поручение трех указанных им властей трем разным органам, и что законодательной властью должно быть народное представительство.

3. Дальнейшая судьба учения о разделении властей

Мысли Монтескье приобрели в глазах культурных слоев Европы и Северной Америки характер политических аксиом, бесспорных истин, не нуждающихся в дальнейших доказательствах и не могущих быть опровергнутыми.

В конце XVIII века появилось два сочинения об английском праве, которые положили учение Монтескье в основу изложения и понимания английской конституции. Это сочинение де Лольма «Об английской конституции» (1771) и сочинение Блэкстона «Комментарии к английским законам» (1768). Эти два сочинения в свою очередь получили чрезвычайное распространение, они пользовались огромною популярностью в Европе и в Северной Америке и еще более содействовали усилению авторитета Монтескье.

Что касается положительного законодательства, то на нем теория разделения властей отразилась в значительном масштабе на союзной Северо-Американской конституции 1787 года. Эта конституция замечательна содержащимся в ней наибольшим приближением положительного законодательства к теоретическим кабинетным взглядам Монтескье.

Впрочем, полного, точного воспроизведения его теории не содержит и она. Авторы конституции – так называемые «отцы» ее, передают в журнале «Федералист», служившем им для выражения тех идей, которыми они руководствовались при составлении конституции, и явившемся, таким образом, исторической объяснительной запиской к ней, что широкие круги североамериканского общества настаивали на том, чтобы все требования

теории Монтескье были воспроизведены в конституции с буквальной точностью.

«Отцы-основатели», непосредственно чувствовавшие практические государственные потребности, не решились на рабское следование популярной теории и решились внести в нее ряд изменений. Прежде всего в основу конституции Северо-Американских Соединенных Штатов положен тот взгляд, согласно которому законодательной власти в пределах, отмежеванных ей конституцией, оставлено безусловное преимущество перед другими властями.

Затем, американская конституция не проводит того обособления властей, которое вытекало бы из учения Монтескье. Назначение должностных лиц исполнительных органов оставлено президенту республики – главе исполнительной власти. Но оно поставлено под контроль одной из палат парламента, а именно Сената, и назначения эти требуют его утверждения. Точно так же, только с утверждением Сенатом президент может заключать международные договоры. Исполнительная власть в Штатах не вполне отделена и от судебной, так как судьи федеральной власти назначаются президентом, главою исполнительной власти. Народное представительство (Конгресс. – *Сост.*) тоже не отделено вполне от судебной власти в том смысле, что Сенат является судебною инстанциею, которая судит административных должностных лиц Союза, в том числе и президента.

Таким образом, полной раздельности, полного обособления властей эта конституция не устанавливает, хотя в общем она стремится к этому в большей степени, чем какая-либо из других, имевших применение сколько-нибудь значительное время, оказавшихся сколько-нибудь жизнеспособными.

Эта конституция оказалась исключительно долговечною. С самого своего издания она не подвергалась никаким сколько-нибудь существенным изменениям, и в настоящее время действует почти буквально в том же самом виде, в каком она вышла из рук «отцов». Но устойчивость североамериканской союзной конституции, во многом объясняемая началом раздельности властей, в ней проведенным, тем не менее не может служить доказательством практической возможности проведения этого начала во всяком государстве. Если в Северо-Американских Соединенных Штатах раздельность властей на практике не обернулась особенно вредными последствиями, то это не столько потому, что этих последствия не было, сколько потому, что по специфическим особенностям государственной жизни и политического строя Северной Америки эти невыгодные последствия были мало чувствительными.

Из этих невыгодных последствий самым существенным является – стеснение свободы и быстроты действий государственной власти. В тех случаях, когда требуется проявить энергию государственной машины, она, будучи разделенной на три самостоятельные силы, друг другу не

подчиненных, может оказаться не в состоянии проявить нужную энергию и быстроту.

Но у Северо-Американских Штатов нет воинственных соседей, которые угрожали бы их безопасности. Не было внутренних врагов, с которыми пришлось бы вести напряженную борьбу. Даже не было ни одного вопроса, который бы напряженно требовал своего законодательного разрешения (кроме вопроса об освобождении негров, который явился на сцену, когда Союз уже окреп). Медленность государственной власти, обилие сдержек, значительное количество трения не мешали там государственной жизни – по крайней мере они никогда не ставили ребром вопроса о самом существовании государства. Раз только это произошло в вопросе об освобождении негров, и вопрос пришлось решать силою оружия, междоусобною войной. Жизнеспособная нация, богатая материально, богатая и энергиею, вышла из испытания...

Кроме того, возможность слабости правительства в Соединенных Штатах в значительной степени утрачивает свои невыгодные стороны ввиду того, что там союзные власти ведают лишь известный, строго ограниченный круг вопросов законодательства и управления. Вся же масса дел государственного управления падает на власти не Соединенных Штатов (Союза), а на государственные власти каждого отдельного штата.

Таких условий не имеется в государствах Европы. Тут нет (или по крайней мере до последнего времени не было) двойственности власти центральной и местной.

Самое же существенное – то, что все государства Европы имели перед собою в течение XVIII и XIX веков ряд задач, требовавших великого напряжения государственной жизни и энергии правительственного механизма. Задачи политических реформ, задачи международного соревнования отдельных народностей, задачи, составленные социальным вопросом, – все это такого рода условия, каких в Америке не было, и каковые являются безусловно несовместимыми со слабостью правительства. Если бы какая-либо конституция установила три равные, обособленные друг от друга власти, то этим она создала бы такое трение в государственном механизме, что ни одно европейское государство не справилось бы с теми задачами, которые выпадали ему на долю.

Другим историческим опытом применения теории Монтескье на практике была монархическая французская конституция 1791 года.

Конституция эта на деле оказалась безусловно нежизнеспособною и просуществовала недолго (до 1793 г. – *Сост.*). Конечно, не одно то, что она была построена на полном обособлении властей, вызвало ее гибель. К этому результату привело много усилий. Но несомненно, что бороться с этими условиями ей оказалось так трудно главным образом ввиду той слабости, которою страдала исполнительная власть, и ввиду того разобщения между

исполнительною и законодательною властями, которое было установлено в угоду теории разделения властей, как ее тогда понимали.

Помимо этого отрицательного значения опыта применения рассматриваемой теории, конституция 1791 года имеет для нас то огромное значение, что в блестящих речах ее авторов теория разделения получила несколько новую постановку, собственно прямо не вытекавшую из книги Монтескье.

В основе политических воззрений деятелей Национального собрания и Учредительного собрания Франции лежала идея народного суверенитета, единого и неделимого. Учение Монтескье было понято ими в том смысле, что народный суверенитет, не могущий действовать непосредственно, должен быть представлен тремя самостоятельными, независимыми друг от друга властями. Каждый из них черпает свой источник непосредственно в народном суверенитете, и все они являются равноправными...

Такое воззрение заключало в себе несомненное логическое противоречие. Если народный суверенитет един и неделим, то нельзя же его делить между тремя властями. Затем – и это, пожалуй, самое существенное – рассматриваемые воззрения в еще большей степени, чем это было у Монтескье, расщепляли государственную власть на три самостоятельных власти, а при таком положении вещей ход управления фактически может наталкиваться на непреодолимые препятствия.

Этой постановки вопроса теория Монтескье не требовала. Как-никак, а полной раздельности властей у него нет. Он несомненно допускает хотя бы отрицательное воздействие одной власти на другую, а о расщеплении государственной власти на три самостоятельные у него и речи нет.

Но благодаря блеску деятелей Революции, благодаря их политическому темпераменту, отчетливости и чеканности их воззрений, теория разделения властей получила распространение в XIX веке именно в той форме, какую ей придали в Национальном собрании и в Учредительном собрании Франции. И позднейшие критики теории разделения властей возражали против этой теории, обыкновенно имея в виду именно ту ее постановку, какую она получила у этих деятелей Революции.

Дальнейшая работа европейской научной мысли над этою теориею не была особенно плодотворной.

Из французских мыслителей можно указать на Бенжамена Констана, который, отправляясь подобно Монтескье от Англии и английских учреждений, учил, что необходимо выделять не три, а пять властей: 1) королевскую, 2) исполнительную, 3) представительную постоянную, 4) представительную общественного мнения и 5) судебную.

Под исполнительною властью Констан имел в виду министров. Он считал, что их нужно отделить от королевской власти и признавать властью отдельною, самостоятельную в силу того, что министры несут персональную

ответственность за свои действия, а такого рода ответственность предполагает самостоятельность власти. Королевская власть неответственна, нейтральна. Ее высокое положение создает ее носителю спокойствие духа, ставящее его вне борьбы партий. Она царит над всеми. Констан называет ее «умиряющей властью». В качестве таковой она смиряет министров, распускает палату, милует несправедливо осужденных. «Умиряющую власть» признали конституции бывшей Бразильской империи, просуществовавшей с 1824 г. до провозглашения в Бразилии республики в 1889г., и португальская конституция 1826 г.

Что касается власти представительной постоянной и представительной общественного мнения, то это только особенные обозначения для английской палаты лордов и палаты общин: одна из них является учреждением постоянным, наследственным, а другая, будучи выборною, отражает на себе настроения общественного мнения.

Но в общем теория Констан носит по преимуществу характер литературной теории. Политического значения она не имела. А в тех двух конституциях, на которых эта теория отразилась, постановления о королевской (или императорской) власти разнятся от постановлений других конституций только на словах, а не на деле.

Во французской литературе можно проследить много рассуждений на тему, три власти необходимы или же только две – законодательная и исполнительная, причем административная и судебная власти не являются властями самостоятельными, а только подразделениями исполнительной власти. Эти споры, которые можно вести без конца, ничего не выяснили, и их можно оставить без внимания. Существа дела они не затрагивают.

Некоторые французы идут еще дальше в сторону от существа дела и совершенно забывают цель, значение и смысл теории разделения властей, и сводят эту теорию к разделению труда, то есть переводят политический вопрос в вопрос чисто технический, на тот или иной прием правительственной работы. Эта же ошибка встречается и у некоторых немецких писателей (точнее, правоведов и политологов. – *Сост.*)...

Вообще же мы можем отметить, что во французской литературе каково бы то ни было толкование и понимание теории разделения властей, о ней всегда говорят с величайшим уважением, видя в ней проявление национального гения...

В германской литературе судьба теории разделения властей была довольно сложной.

Первоначально она была встречена с тем же сочувствием, как и в других местах. На нее тоже смотрели как на непререкаемую истину. Такого рода мыслители, как Кант и его школа вплоть до Фихте, и те принимали ее безусловно. Они понимали ее великое политическое значение как средства оградить гражданскую свободу. Но Кант старался подыскать ей философское

обоснование. Проводя аналогию между государством и силлогизмом, он учил, что законодательная власть подобна большой посылке, исполнительная – внешней, а судебная власть аналогична заключению силлогизма.

У других философов, например у Гегеля, теория разделения властей переплеталась с попытками обосновать философскую сущность государства. Он тоже находил в государстве три власти: 1) власть определять общее (законодательная), 2) власть подведения частного под общее (исполнительная и судебная) и 3) субъективность государства. Он находил, что государство – это личность и что потому завершение свое (в виде верховной власти) оно может иметь только в виде физической личности, но не учреждения. Монарх не правит, он только дает в сомнительных случаях решение, сводящее какое-либо пререкание к единству. Он проявляет при этом свою личность; как именно он ее проявляет, несущественно. Потому от монарха особых качеств не требуется. Само собою разумеется, что эта теория, являющаяся скверною попыткою обосновать монархический принцип, не имеет ничего общего с тою постановкою вопроса, какую давал ему Монтескье и какая принесла его взглядам мировое значение.

У других германских писателей теория разделения властей, с теми или другими вносимыми в нее поправками, в сущности свелась к логическому обоснованию той или иной классификации государственных функций, и ее политическое значение было оставлено в стороне.

К середине XIX столетия в Германии начинает намечаться новое отношение к разделению властей. Отчасти под влиянием силы монархических чувств в германском обществе, выдвигавших требование единства государственной власти, отчасти под влиянием чувств шовинистических, заставлявших недружелюбно относиться к теории не германской, да еще французской, отчасти, наконец, ввиду связи этой теории с великой французской революцией и с умственным движением, вызвавшим эту революцию и дававшим ей идейную основу, германские ученые стали относиться к теории разделения властей самым отрицательным образом. Подобное отношение нашло себе наиболее ясное и определенное выражение у Р.Ф. Моля, который нашел, что требование трех вполне равноправных и друг от друга вполне независимых властей нарушает государственное единство и ведет на практике к анархии и разрушению государства.

Это отношение к вопросу о разделении властей, с тою же самою мотивировкою, можно проследить в германской литературе до самого последнего времени.

М.А. КРАСНОВ

Советский тип власти: Пятый сон Веры Павловны

Едва ли не у каждого еще со школы роман «Что делать?» ассоциируется с гвоздями Рахметова и четырьмя снами Веры Павловны. В этих снах Чернышевский нарисовал несколько собственных картинок идеального будущего.

Почему бы, подумал я, не быть и пятому сну, где Вера Павловна Розальская увидит если не будущую российскую реальность, то хотя бы человека, эту реальность готовившего – Владимира Ульянова (Ленина). И хотя встреча эта выдумана, вовсе не выдуманы идеи Главного большевика (в диалоге слова Ленина – это почти дословные цитаты из его работ).

Не берусь судить, какой моральный мотив лежал в основе ленинских идей. Вполне возможно, что благородный. Вот только результат получился прямо противоположный. Но не это побудило меня изложить некоторые из них в популярной форме. А то, что нынешние большевики вновь зовут к восстановлению советской власти, подсовывая лукавую мысль, будто все дело в неудачном исполнении и кознях врагов.

К сожалению, это не так. Говорю «к сожалению» потому, что долгое время сам был сторонником изначальной модели советского типа власти. Пока не пришел к выводу: эта модель объективно ведет не к народовластию, а к олигархии. Любые усовершенствования механизма власти в рамках советского типа бессмысленны, ибо наталкиваются на его неискоренимые пороки.

У большевиков начала века хотя бы не было за плечами наглядного опыта осуществления их теоретической модели. У сегодняшних коммунистов этот опыт есть. Так что их нынешний лозунг «народовластие = власть Советов» – либо прямой обман уставших от тягот перехода людей, либо полное отсутствие критического анализа своих принципов.

Возможно, иному читателю доводы Веры Павловны покажутся недостаточно жесткими в споре с г-м Ульяновым. Но ведь она сама, по мысли Чернышевского, была сторонницей социал-демократии. Так что читатель заодно увидит, чем социал-демократ отличается от коммуниста.

***

И снится Вере Павловне сон, будто:

Идет она по влажной траве и видит шалаш. Но вместо деревенского мужика-косца перед нею сидит на пеньке благообразный господин и пишет что-то в большую синюю тетрадь. Он вскидывает на нее глаза с прищуром. Нечто магнетическое ощущает Вера Павловна в этом взгляде и потому не в силах отказаться, когда этот невысокий господин неожиданно предлагает прогуляться по лесу.

Она не боится его, интуитивно понимая, что мысли этого «лесовика» сейчас далеко-далеко от земных соблазнов. И вправду г-н Ульянов (так он представился) заводит беседу о том, как он представляет себе скорое будущее России...

- Мои духовные отцы – Маркс и Энгельс очень не любили государство. И не даром. Вот Вы, Вера Павловна, хотите быть свободным человеком?

- Ну, разумеется.

- А понимаете ли Вы, что пока мы живем в государстве, никто из нас не может быть свободным? Карл Маркс очень верно заметил, что «когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое, перестает существовать».

- Так Вы – анархист? – разочарованно спрашивает Вера Павловна. - Ведь господа Бакунин и Кропоткин о том же толкуют.

Г-н Ульянов рассыпается залихватным смехом.

- Да что Вы, сударыня... Конечно, мы, большевики, вовсе **не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства как цели.** Но мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти против эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная **диктатура угнетенного класса.**

- Диктатура? – вздрагивает Вера Павловна.

- Ну, что же вы, интеллигенты, так боитесь этого слова? Во-первых, без насилия никак не уничтожишь старый строй со всеми его мерзостями. Слышали, наверное, фразу: «Насилие - повивальная бабка истории»? А, во-вторых, это же будет не диктатура какого-то там тирана или кучки богатых над массой бедных. Это будет диктатура большинства над меньшинством.

- Кто же эти «большинство» и «меньшинство»?

- Ясно, кто. Рабочий класс со своими союзниками будет диктовать волю буржуа, помещикам, мироедам и их присным. А, главное, с помощью этой самой диктатуры вырвет из их рук основу несправедливой власти – частную собственность и сделает ее собственностью всего трудового народа.

Вот тут-то и соль. Раз большинство народа само подавляет своих угнетателей, то «особой силы» для подавления уже не нужно! В этом смысле государство начинает отмирать. Чем более всенародным становится выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти.

- Но ведь любое насилие – это ужасно, – пытается возразить Вера Павловна. – Оно затягивает в свой омут, делает человека равнодушным к чужим страданиям. Появится огромный слой людей, для которых насилие

будет профессией, и они начнут сами искать причины для борьбы. И так по кругу...

- Что Вы, батенька. Гм, простите, матушка. Насилие насилию – рознь. Наше насилие священо. Оно ведь в угоду справедливости. А ради этого можно пожертвовать даже тем, что мы в идеале признаем и одобряем. В том числе некоторыми демократическими принципами...

Вот я Вам сейчас по памяти процитирую выдержку из протокола нашего второго съезда.

Выступал Посадовский и прямо сказал: «Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить выгодам нашей партии». Из зала воскликнул кто-то: «И неприкосновенность личности?» А он, молодец, не задумываясь отвечает: «Да! И неприкосновенность личности». Потом встал наш патриарх Плеханов (тогда он еще не скатился в болото либерализма) и поддержал Посадовского: «Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что *salus populi suprema Lex*. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции – высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то **перед таким ограничением преступно было бы останавливаться**».

- Ну, хорошо, г-н Ульянов. Революция, диктатура, насилие. Властелином становится пролетариат. А где же обещанная Вами свобода? Для диктатуры-то государство нужно. И государство это, как я понимаю, будет не таким уж ласковым. Не лучше ли мирным путем рабочим бороться за свои права, бороться за демократию, за то, чтобы вырабатывались законы, учитывающие интересы всех групп населения? Не лучше ли поднимать бедных из бедности, открывать им путь к собственности? Если всех лишит собственности, как можно обеспечить их свободу? Не превратится ли народ в стадо, управляемое пастухами, которые станут заведовать общей собственностью? Да и кто попадет в пастухи?

Г-н Ульянов резко останавливается и пристально глядит в глаза Веры Павловны, от чего ей становится не по себе.

- Мы, сударыня, в ВАШЕМ сне. А потому я оставляю при себе все эпитеты, которыми мог бы Вас наградить за такие слова...

Вам бы в воскресную рабочую школу походить. Тогда бы за три месяца из Вас вся эта оппортунистическая дурь выветрилась... Я же сказал – мы против ВСЯКОГО государства. Но сделать его ненужным может лишь рабочий класс, и только после того, как *подавит* своих классовых врагов. Отняв частную собственность, сделав ее общенародной, мы

сможем уничтожить классы вообще. А, значит, и государство не будет нужно. Но пока классы не уничтожены, нам государство потребуется. Весь вопрос в том, какое...

Вот в этой синей тетради у меня выписки из работ, писем Маркса и Энгельса о государстве. О, это великие немцы. Они увидели в Парижской коммуне зародыш государства совершенно нового типа. Его и государством-то назвать уже нельзя. Это, так сказать, «полугосударство», государство не в собственном смысле слова. Так что мы о разных государствах с Вами толкуем.

Не парламентская республика, а республика Советов (они у нас в России еще в девятьсот пятом появились) – вот в чем спасение пролетариата, вот та государственная форма, в которой социализм будет расти, как на дрожжах. В брошюре, которую я скоро выпущу (она, кстати, так и названа «Государство и революция») все подробно об этом сказано: откуда государство взялось и куда ему дорога. Впрочем, об этом прекрасно сказал покойный Энгельс: настоящее место государственной машине будет в музее древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором.

- Может, Вы и мне объясните, что такое эта республика Советов?

- Охотно. Прежде всего нам нужно будет освободиться от того, что испокон веков составляло костяк всякого государства – от армии и полиции. Ведь государство в собственном смысле есть командование над массами со стороны отрядов вооруженных людей, отделенных от народа. А в нашем полугосударстве эти отряды вооруженных людей составит сама масса, народ, а не кто-то над ним поставленный, от него отделенный, привилегированный, практически несменяемый.

Скажу более конкретно. Чтобы не дать восстановить полицию, есть только одно средство: создание всенародной милиции, слитой с армией (замена постоянной армии всеобщим вооружением народа). В такой милиции должны участвовать *поголовно* все граждане и гражданки от 15 до 65 лет. Капиталисты должны платить наемным рабочим, прислуге и проч. за дни, посвященные общественной службе.

- Позвольте. Но это уж по-иезуитски как-то. Вы капиталистов будете подавлять, а они за это еще и платить обязаны.

- Мы собираемся подавлять лишь сопротивляющихся. С остальными будем сосуществовать, пока частнособственнический уклад не ликвидируем. Повторяю, нам государственная машина, которая всегда есть машина для подавления, понадобится только для защиты от противящихся неумолимому ходу истории. Если бы не это сопротивление, мы могли бы сразу отказаться от государства. Ведь для хозяйственных функций, для учета и контроля за производством и распределением продукции никакого госаппарата не нужно. Все эти функции смогут осуществлять сами трудящиеся, объединенные в Советы.

- Что-то плохо я Вас понимаю. Ведь существуют десятки тысяч заводов, фабрик, мастерских – больших и малых. Кто же за всем этим смотреть будет, кто будет управлять производственными процессами и так далее?

- В своем сне, сударыня, Вы попали в девятьсот семнадцатый год – лет на пятьдесят вперед и потому еще не знаете, что капитализм уже перерос в свою последнюю стадию – империализм. Тем самым он сам создал предпосылки для того, чтобы все могли участвовать в управлении государством, в том числе и хозяйством. К таким предпосылкам относится поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран; затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела и т.п.

При таких экономических предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы свергнув капиталистов и чиновников, заменить их – в деле контроля за производством и распределением, в деле учета труда и продуктов - вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом.

Россия станет единой фабрикой. Говоря иначе, все хозяйство станет социалистическим - крупным, находящимся в одних руках – народа. Вот этот народ сам и будет управлять не таким уж сложным хозяйством. Главное-то посчитать, сколько нужно произвести и кому сколько причитается из этого общественного продукта.

- А почему Вы думаете, что рабочие станут добросовестно трудиться на этих фабриках, что честно будут распределяться продукты и изделия?

- Да одно уже сознание, что люди трудятся на себя, а не на хозяина, сотворит чудо. А на жуликов мы управу найдем. К тому же, когда управлять станут все по очереди, красть, обманывать будет трудно или вообще невозможно.

Конечно, сейчас, когда хозяйство России подорвано войной, когда ему грозит катастрофа, нам придется пойти на временные, но необходимые меры. Скажем, принудительно объединить население в потребительские общества, установить трудовую повинность для богатых, разделить поровну среди населения продукты потребления, контролировать потребление богатых.

- И все-таки никак не возьму в голову. Вот вы уничтожите стихийность в производстве и распределении. Но тогда кто-то должен составлять план, направлять трудовой люд, согласовывать действия масс по управлению этой «единой фабрикой».

- А для чего ж тогда партия большевиков? Партия, вооруженная единственно верным учением, научным знанием? Единственная партия, отстаивающая интересы рабочего класса.

- Но ведь у других классов тоже есть партии... Кто же на вас возложил такую миссию?

- История, сударыня. История! Европа является передовой в наши дни не благодаря буржуазии, а вопреки ей, ибо один только пролетариат все увеличивает миллионную рать борцов за лучшее будущее, один только сохраняет и распространяет беспощадную вражду к отсталости, дикости, привилегиям, рабству и унижению человека человеком. Это раньше буржуазия была прогрессивным классом. Когда боролась с феодализмом. Теперь этот класс стал опускающимся, упадочным, внутренне-мертвым, реакционным. Подымающимся – в широком историческом масштабе – стал совсем иной класс. Рабочий! А мы, большевики, – партия этого класса. Значит, партия будущего.

Те, кто считает, что можно усовершенствовать общество в рамках капиталистических отношений, проповедует воззрения беспредельно тупоумного мещанина, самодовольно размазывающего истасканный хлам под прикрытием «новой» систематизации и терминологии.

Именно наша партия – ум, честь и совесть эпохи. Вот почему она имеет нравственное, историческое право указывать, какой путь верный, а какой – нет... Но Вам, наверное, интересно узнать, как будет *организована* сама эта власть.

Тут мы тоже радикально рвем со всем буржуазно-либеральным хламом вроде парламентаризма, правового государства, чистой демократии.

Прежде всего мы выступаем против разделения властей. Наши Советы будут работающими корпорациями, как назвал Маркс Парижскую коммуну.

- А чем же Вам не угодило разделение властей? По-моему, вполне здравая идея: чтобы ни один орган государства не мог концентрировать всю полноту власти и потому ею злоупотреблять. Вас что, самодержавие ничему не научило?

- Именно самодержавие нам и нужно. Только не монарха, а народа. При разделении властей парламент становится тем, от чего и берет свое название – говорильней. Посмотрите на любую парламентскую страну – от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и проч.: настоящую «государственную» работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. Но главное не в этом. А в том, что мы хотим вообще ликвидировать особый слой – политическое чиновничество.

Мы хотим преодолеть отчуждение масс от власти. И сделать это посредством того, что народные представители будут *сами* заниматься и

выработкой решений, и делами управления, т.е. проводить свои же решения в жизнь. Нам не нужны профессиональные политики, которые превращают власть в таинственную, недоступную простым смертным сферу.

- Но послушайте, г-н Ульянов. Там, где управлением займутся непрофессионалы, нельзя рассчитывать на компетентность, эффективность...

- Не принимайте нас за дурачков, сударыня. Для того, чтобы принимать политические решения, достаточно быть грамотным и знать истинные интересы своего класса. А уж мелкие, частные вопросы народные представители будут решать с помощью специалистов – инженеров, бухгалтеров и т.д.

В Вас, вижу, крепко засел этот буржуазный предрассудок, будто народ не может управлять. Может. Надо только нужным образом организовать его и обучить грамоте. И не забывайте о партии. Ее задача все исправлять, назначать и строить по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить его от буржуазного обмана.

- Ага, значит пастухи и стадо все-таки будут. Я так и думала.

- Не пастухи, а авангард рабочего класса, который вырабатывает политическую линию, стратегию развития, организует массы. Ведь чем меньше у русского народа организационного опыта, тем решительнее надо приступать к организационному строительству самого народа, а не одних только буржуазных политиканов и чиновников с «доходными местечками».

- Ну, понятно. Вместо парламента и правительства – ваша «работающая корпорация». Все власти слиты в одну. А как же на местах? Как быть с земством?

- Никаких земств. Речь идет о республике Советов, то есть о *системе* работающих корпораций **снизу доверху** на основе демократического централизма...

- Интересно, – перебивает собеседника Вера Павловна. – Централизм, но демократический. Парадокс.

- Что ж тут странного? Все «места» участвуют в выработке общегосударственной политики. Но в то же время подчиняются «центру», выполняют его указания.

- Получается иерархия представительных органов. Это же противоестественно. Будут депутаты вышестоящие и нижестоящие. Зачем же тогда вообще их избирать? И потом: «центр», выходит, лучше «мест» знает, что им требуется. Ведь земства, органы городского самоуправления как раз и призваны отражать особенности местной жизни. У каждого

органа должна быть четкая компетенция и контроль за нею. Зачем указания, директивы, если есть право?

- Вижу, что вы так и не поняли главного, того, что *советская власть - это целая система с совершенно новыми принципами.*

Во-первых, учет местных интересов, конечно, будет. Но не в ущерб общегосударственным. Как это сделать, показала еще Парижская коммуна. Все просто: из нижестоящих представителей народа избирается часть, которая работает в вышестоящем органе. И так – до самого высшего органа власти.

- Да, просто, – задумчиво произносит Вера Павловна.

А ее спутник продолжает говорить, своеобразно жестикулируя.

- Второе наше отличие – полнейший контроль народа за своими представителями. Опять-таки все очень просто. Он достигается с помощью наказов и права отзыва. Член Совета получает от избирателей точную инструкцию о том, как ему действовать в политическом смысле. А если не выполняет наказ или по каким-то другим причинам теряет доверие, отзывается избирателями.

Вере Павловне вдруг вспоминается вычитанное ею как-то выражение маркиза де Кондорсе, которое ей понравилось: «Избрание есть **не делегация полномочий, а указание способности.** Уполномоченный народа, я сделаю все, что считаю сообразным с его истинными интересами. Он послал меня не для того, чтобы поддерживать его мнения, **а чтобы изложить мои.** Он доверился не только моему усердию, но и моему просвещению, и абсолютная независимость моих мнений есть одна из моих обязанностей по отношению к нему». Эту мысль Вера Павловна пытается высказать своему собеседнику, хотя и видит, что ему неприятны ее возражения.

- Ваш маркиз – идеалист. Ну, сами посудите. Откуда вдруг возьмутся независимые депутаты, если идет классовая борьба? Это все гнилые либеральные профессора права не желают признавать ту простую истину, что решение голосованием, т.е. формальным волеизъявлением при сохранении капиталистических определителей воли есть **буржуазная демократия.** Послушать этих профессоров, так выходит, будто добренькие, честные, благородные, миролюбивые капиталисты никогда не применяли силы богатства, силы денег, власти капитала, гнета бюрократии и военной диктатуры, а решали дела истинно «по большинству»!

- Так и я говорю о том же. Настоящее право – результат компромиссов, поиска баланса интересов, а не псевдодемократическое решение большинством голосов. Боритесь за такой принцип...

- Ошибаетесь, голубушка. Никогда такого не было, чтобы угнетатель мирно договаривался в парламенте с угнетенным, чтобы они согласовывали свои интересы. Только силой можно заставить капиталиста

пожертвовать своими интересами. Вот почему чистой демократии в природе не существует. Или она буржуазная, или пролетарская! И право поэтому – не результат баланса интересов, а **воля господствующего класса, возведенная в закон.**

- Значит, кто у власти, тот и прав. И Вы это называете демократией?

- Еще раз Вам говорю. Чистой демократии не бывает. Раз пролетариат возьмет власть, то никому уже не позволит отнять ее. Пожалуйста, участвуйте в управлении кто хочет. Но только в рамках пролетарской демократии, только во имя перехода к коммунизму.

- Вы полагаете, избиратели смогут *постоянно* контролировать своих представителей в Советах? Для этого граждане должны быть как-то организованы...

- Правильное замечание. Только Вы опять забыли, что государство у нас будет не вполне обычное. Государство диктатуры пролетариата. Вот почему мы откажемся от буржуазного – территориального – принципа избирательной системы. У нас депутатов выдвигать и избирать будут в основном по предприятиям. Нужно будет рабочим, они и профессора от своей фабрики выберут. Но именно рабочие, которые трудятся вместе, знают друг о друге, объединены вокруг производственной партиячейки. Плюс другие организации трудящихся – профсоюзы, общества. Отсюда и легкость контроля, и легкость отзыва.

Неприменно легкая, простая процедура отзыва. Помимо прочего, такой принцип дает возможность все новым и новым людям пройти государственную школу. Для того, кстати, мы и сроки полномочий для членов Советов не будем устанавливать. Все время народные представители должны меняться. Так что при социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял.

- Никто не управлял?! Это ж – анархия.

- Нет. Это – полное общественное самоуправление в масштабах всей страны. И заметьте еще вот что: поскольку Советы у нас будут работающими корпорациями, депутаты сами будут одновременно и управленцами. А чтобы не забюрократились, у них постоянно будут меняться участки работы. Сегодня, скажем, финансы, завтра - просвещение, послезавтра – транспорт.

- А если не захотят люди управлять государством?

- Как так не захотят? Они же поймут, что это их государство, им теперь власть принадлежит...

- Не знаю, не знаю. С трудом верится. Может, Вы по себе судите, но, сдается мне, далеко не всякий захочет лезть в политику, ломать голову над государственными проблемами. Да и просто терять время. Ведь, как я понимаю, денег за членство в Совете вы платить не собираетесь.

- Именно. Не собираемся. Это господа либералы делают из политики профессию.

- И все-таки. Как можно строить какую-то политическую систему и не брать во внимание живого человека? Оглянитесь вокруг. Всюду столько воровства, грязи, пьянства, невежества. И каждого тащить в политику? Не боитесь, что государство ваше либо развалится, либо под видом «народной власти» вы придете к тирании?

- А Вы, сударыня, не задумывались, отчего эти люди воруют, пьют, дерутся? Да оттого, что в нечеловеческих условиях живут. А мы им скажем: вот вам страна, управляйте ею сами. Эксплуататоров больше нет, все теперь ваше. А?

- Но ведь не в один же день все сразу и очистятся. На это годы и годы нужны.

- Верно. Правда, не так уж и много лет. Я думаю, десяти-двадцати годочков хватит. Ведь идея-то какая! Дух захватывает. Вы бы посмотрели, как двенадцать лет назад Советы рабочих депутатов действовали. Когда народ за правое дело идет, вся грязь из людей выходит.

- Так то, как я поняла, революция была. А в такое время люди совсем по-другому и себя ощущают, и на жизнь смотрят. Но когда впереди врага не будет, баррикад не будет, станут ли, захотят ли они в массе своей тянуть лямку ежедневной прозаической государственной работы? Ясно, что не захотят. Вот тут-то и появятся те, для кого власть – сласть. И очень скоро они сделают совершенно формальным, пустым тот контроль, о котором Вы говорите; придумают тысячи уверток, чтобы доказать, будто народ сам властвует, сам общей собственностью распоряжается.

Вы же своими руками лишаете общество испытанных инструментов контроля за властью – через право, через развитую судебную власть, через конкуренцию политических партий. Вы сами создаете **основу для появления целого слоя бесконтрольных чиновников**, прикрывающихся только тем, что официально провозглашена власть народа. Но народовластие создать не сможете, потому что без политической конкуренции власть мгновенно загниет и люди «у руля» сами будут определять, кого во власть допускать, кого нет, а кого и просто уничтожить. Вы рассчитываете только на сознательность масс. Но пока эта сознательность придет (если вообще это возможно), вырастет и окрепнет мощная бюрократия, которая ни за что не захочет уступить места.

А Ваш авангард? Чем обеспечите его честность, его преданность? Ведь в этот авангард захотят попасть многие из тех, для кого совесть – пустой звук. Будьте же реалистом. Куда Вы денетесь от нормальной человеческой психологии, от закономерностей развития любой государственной системы? Не лучше ли взять пусть не идеальную, но пока единственно разумную систему власти, существующую в Европе.

- Нет, не лучше! Коммунизм через буржуазную демократию, к которой Вы испытываете такую слабость, не построить. А что до массовости, то мы рассчитываем не только на добровольное участие масс в управлении. Для тех трудящихся, кто не очень желает управлять государством, мы **обязанность** установим. Вроде государственной повинности. Отработал, скажем, шесть часов на фабрике, будь добр еще два часа на государственной службе отбыть.

- Где же тут свобода? Ведь Вы как раз для свободы от государства хотите отказаться.

- Опять Вы про свободу. Она придет. Но к ней же подготовиться надо. Приучить людей к ответственности, к общественному долгу... И потом. Это же удовольствие, а не работа – властью побыть. Ну, вот Вам пример такой государственной службы:

Скажем, надо принудительно выселить из квартиры определенную семью и поселить другую. Наш отряд рабочей милиции состоит, допустим, из 15 человек: 2 матроса, 2 солдата, 2 сознательных рабочих, затем 1 интеллигент и 8 человек из трудящейся бедноты, непременно не менее 5 женщин, прислуги, чернорабочих и т.п. Отряд является в квартиру богатого, осматривает ее, находит 5 комнат на двоих мужчин и двух женщин. – «Вы потеснитесь, граждане, в двух комнатах на эту зиму, а две комнаты приготовьте для поселения в них двух семей из подвала. На время, пока мы при помощи инженеров (вы, кажется, инженер?) не построим хороших квартир для всех, вам обязательно потесниться. Ваш телефон будет служить на 10 семей. Это сэкономит часов 100 работы, беготни по лавчонкам и т.п. В вашей семье двое незанятых полурабочих, способных выполнить легкий труд: гражданка 55 лет и гражданин 14 лет. Они будут дежурить ежедневно по 3 часа, чтобы наблюдать за правильным распределением продуктов для 10 семей и вести необходимые для этого записи.

- Неудачный пример Вы привели, милостивый государь. Это работа не созидательная. Отобрать, уплотнить, арестовать – на это, действительно, охотников немало найдется. А найдете ли вы желающих и умеющих созидательным управлением заниматься? Теми же хозяйственными вопросами. Или тоже с помощью отрядов?

- Какая Вы колючая... Ну, во-первых, мы вовсе не отказываемся от услуг буржуазных спецов. Капиталисты им платили и мы будем платить хорошо. Правда, *не выше зарплаты квалифицированного рабочего*. Через несколько лет и сами рабочие, крестьяне выучатся на инженеров, юристов, врачей. А, во-вторых, жизнь сама подскажет формы участия масс в управлении. Дайте нам сначала власть завоевать и с буржуазией управиться.

- Кстати, а как вы с нею управитесь?

- Все норовите меня на злодействе поймать. Да не злодеи мы, а реалисты. Это эксплуататорские классы во все времена моря крови пускали, защищая свое богатство и власть. А у нас подавление меньшинства эксплуататоров большинством вчерашних рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, обойдется человечеству гораздо дешевле.

- Да, интересное общество Вы придумали.

- Во-первых, не я, а Маркс с Энгельсом. Я лишь додумал некоторые детали, развил их учение о государстве. А, во-вторых, и они ничего не придумывали, а выводили все из жизни.

- Да из какой жизни? Из революционной. Но революция же не вечно продолжаться будет.

- Марксизм – не догма, а руководство к действию. На то и существует партия большевиков, чтобы реальность учитывать, подправлять теорию, не отказываясь от идеалов. А идеалы наши – общество без государства, общество полного коммунистического самоуправления, общество всеобщего братства и счастья людей труда.

- Идеалы на то и идеалы, чтобы к ним идти, понимая, что в земной жизни их никогда не достичь. Если же из них цели делать, то можно пойти не к идеалам, а совсем даже в другую сторону... Томас Мор, между прочим, не зря свое государство на острове Утопия поместил. Может, и Вы эту свою синюю тетрабочку оживите не в России, а для начала на каком-нибудь острове? Будет добрый результат, так за такой жизнью и Россия, и весь мир потянутся...

- А я Вам тоже свой совет дам. Попробуйте-ка в своем очередном сне попасть к нам лет еще на двадцать вперед, в год, скажем, тридцать седьмой. Вот тогда и поговорим...

В.Е. ЧИРКИН

Может ли избиратель влиять на качество депутатского корпуса?

В чем главное назначение избирательной системы при выборах в парламент? В том, чтобы она давала возможность максимально полно отразить интересы, позиции, настроения, ценности, существующие в данном обществе. Однако избирателям не менее важно знать и то, какие люди их представляют – насколько они по моральным, профессиональным, порой, даже внешним качествам отвечают образу «гласного», как раньше именовали депутатов в России.

В мире не существует совершенной избирательной системы. Так, выборы по одномандатным округам, проводимые по мажоритарной системе относительного большинства (по такой системе и избиралась до сих пор половина депутатов Госдумы) нередко искажают реальное соотношение сил. Допустим, что за трех кандидатов проголосовали 100 тыс. избирателей: за кандидата А. подано 40 тыс. голосов, за Б. – 35 тыс., за В. – 25 тыс. Избранным окажется А., хотя за него не голосовали 60 тыс. избирателей. А если кандидатов, например, десять? Депутатом вполне может стать тот, за кого не голосовали 85-90 процентов...

Впрочем, и у пропорциональной системы есть свои минусы. Поэтому, раз уж Президент решил, что полезнее всех депутатов Госдумы избирать исключительно по «пропорционалке», то еще есть время подумать, как избежать ее очевидных недостатков. Прежде всего, как сделать так, чтобы множество избирателей не остались вообще без своих представителей; чтобы люди не только голосовали за партии, но и побуждали последние заботиться о репутации своих кандидатов.

Для этого мы предлагаем не только понизить заградительный барьер, но и перейти к преференциальной пропорциональной избирательной системе. Суть ее такова.

Федеральный избирательный округ ликвидируется, и страна делится на 40-50 сравнительно небольших многомандатных округов, от каждого из которых избирается 8-14 депутатов (число депутатов должно быть пропорционально численности избирателей). В избирательном бюллетене по каждому округу должны быть указаны не только названия партий, но и фамилии кандидатов. Если на выборах по округу будет участвовать, скажем, пять партий, избиратель увидит 50-60 фамилий. Это достаточно много, но пугаться не следует. Дело в том, что избиратель сначала определяет свои политические предпочтения и голосует за «свою» партию. А затем он отмечает в соответствующем партийном списке конкретного кандидата, которого хотел бы видеть избранным.

Ясно, что ни одна партия не сможет получить в округе все мандаты. Значит, кто-то из ее списка останется за бортом. Встает вопрос: какие

кандидаты в партийном списке обретут депутатские мандаты? По нынешней системе (и она сохранилась в законопроекте) в депутаты проходят кандидаты в соответствии с местами в партийном списке. А предлагаемая нами система исходит из того, что сами избиратели могут влиять на очередность получения мандатов в списках. Для этого каждый избиратель имеет преференциальный вотум (преференция – предпочтение). Он может иметь даже два таких вотума, обозначаемых как первая и вторая преференции, но это затрудняет подсчет в избирательной комиссии. Такой вотум означает, что отметив «свою» партию, избиратель также отмечает в списке ее кандидатов одного человека, которого хотел бы видеть избранным, даже если партии достанется по округу лишь одно место. Один избиратель отмечает одного кандидата, другой – другого и т.д. В итоге у каждого из кандидатов либо только у некоторых наберется сколько-то отметок. Это и есть предпочтения избирателей.

После того, как по правилам пропорции голосов, поданных за партии, избирательная комиссия определит число мест, доставшихся данной партии, она же решает вопрос и о конкретных кандидатах, избранных по спискам партий. Допустим, в округе баллотировались четыре партийных списка – А., Б., В. и Г. От округа избираются 10 депутатов. Голосовали 100 тыс. избирателей, все бюллетени признаны действительными. За партию А. голосовали 20 тыс. избирателей, за Б. – 30 тыс., В. – 40 тыс., Г. – 10 тыс. По пропорции первая партия получает два мандата, вторая – три и т.д. Кому их отдать? Для этого подсчитываются преференции у каждого кандидата. Допустим, в списке первой партии знаки предпочтения избирателей стояли у четвертого, седьмого и десятого по порядку кандидатов – 500, 700 и 750 отметок. Поэтому депутатские мандаты достаются не первым по списку, а тем, кто больше пользуется симпатиями населения. В нашем случае у партии А. их получают кандидаты, стоящие на седьмом и десятом местах (700 и 750 преференций), поскольку партия получает только два мандата. Подобным образом решаются вопросы и о распределении мандатов внутри списков других партий. Если преференций нет ни у кого, мандаты распределяются в порядке очередности в списке. Если, наоборот, мандатов у партии больше, чем кандидатов, имеющих преференции, то мандаты сначала передаются кандидатам, имеющим преференции (по большинству преференций), а затем – по очередности в списке.

Таким образом, данная система позволяет индивидуализировать кандидата при учете партийных предпочтений. Она будет активизировать поведение избирателей, их участие в выборах, поскольку они увидят, что голосование позволяет избрать не «кота в мешке», а лицо знакомое. Голос каждого избирателя становится гораздо более весомым, что соответственно влияет и на поведение партии и ее кандидатов.

Предлагаемая система позволяет решить вопрос и о «независимых» (беспартийных) кандидатах. Законопроект предполагает, что независимый кандидат, желающий баллотироваться, должен просить какую-либо партию включить его в свой список. Но ведь человек потому и является беспартийным, что не хочет состоять ни в одной партии, не видит там себя. Да и почему он должен быть просителем? Наконец, если он упрсит какую-либо партию (а по существу ее партийное начальство) включить его в список, какое место ему отведут в списке? Видимо, на последних местах, если, конечно, речь не шла о подкупе. Мы же предлагаем иметь в округе отдельный список независимых кандидатов, если они будут выдвинуты, с теми же самыми предпочтениями избирателей. Вопрос встает лишь о том, кто будет их выдвигать? Можно вернуться к имеющемуся опыту и дать это право гражданам, собирающим определенное число подписей в поддержку независимого кандидата. В отличие от порядка сбора подписей в одномандатных округах в многомандатных округах число требуемых подписей должно быть небольшим и облегчать гражданам возможность выдвинуть независимого кандидата. Например, всего 500-1000 подписей, но с одновременным внесением избирательного залога. В зарубежных странах обычно требуется небольшое число подписей: в Болгарии – 500, в Германии – 200, в Нидерландах – 25, в Швейцарии – 15, в Великобритании – 10. Однако там нет толпы желающих стать независимыми кандидатами: никто не хочет терять деньги избирательного залога. Рискнуть могут только очень уверенные в поддержке избирателей кандидаты. Не нужно бояться независимых кандидатов и по другой причине: вряд ли они смогут противостоять избирательным машинам политических партий, и если независимые будут избраны, то ими окажутся люди, действительно пользующиеся уважением избирателей округа (при системе предпочтений вероятность этого резко повышается). Может быть, это и будут особенно ценные депутатские кадры в Думе.

При создании множества округов с предпочтительным вотумом сама собой будет перестраиваться и партийная система. Не будет нужды в грозных законах, обязывающих партии для самосохранения иметь свои организации в каждом субъекте Российской Федерации. Партийные организации будут работать в округах ради выборов. Они избавятся от опеки губернаторов, будут действительно стремиться работать с людьми.

Все это можно сделать, если мы действительно хотим иметь избирательную систему, адекватно отражающую структуру общества. Тогда избиратель будет более заинтересован идти на выборы, а Дума иметь гораздо больше оснований считаться представительным органом. До 2007 года – очередных парламентских выборов – еще есть время.